

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»



Наталья ЖИЛЯНИНА

Неспящая

Рассказы и эссе

Составитель – Н.Н.Калашников

Новокузнецк
2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ж72

ЖИЛЯНИНА Наталья Александровна

Неспящая : рассказы и эссе / Наталья Жилинина ; сост. Н. Н. Калашников ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 56 с. : портр., ил.

©Наталья Жилинина

На первой стр. обл. – рисунок «Одна случайная неслучайная встреча» Софьи Бестужевой (Москва) с сайта <http://graphic.org.ru/bestuzheva.html>



ЖИЛЯНИНА Наталья Александровна родилась в г. Прага в семье военного офицера. Семья часто переезжала. Москва, Украина, Германия, Алтай. В Новокузнецке живёт с 1999 года. Работает учителем русского языка и литературы. В КЛФ «Контакт» пришла в мае 2009 года. Первая публикация – стихотворная пародия на знатока литературы в газете «Звезда Алтая» за 1999 г. В 2014 году малым тиражом вышла книжка Н. А. Жилияниной – повесть «Ваш собеседник». Сказка «Драконовские меры» публиковалась в книге «**Время для драконов**: конкурс КЛФ "Контакт"» (Новокузнецк, 2014). Эссе «Ода русскому мату» под псевдонимом Елена Римская публиковалось в газете «Кузнецкий рабочий» в 2012 году. Остальные произведения публикуются впервые.

Драконовские меры

Принцесса лежала на соломенной подстилке, отвернувшись к стене, и рыдала уже второй час, но на дракона это не производило особого впечатления. Злобный ящер был занят тем, что угрюмо слонялся по пещере, выметая куриным крылышком пыль и мусор из всех углов своего мрачного жилища.

Наконец пленница отчаялась вызвать жалость к себе со стороны бессовестного монстра, так нагло похитившего её чуть ли не из самого дворца, и задумалась о своей тяжкой доле. А поскольку во дворце её учили чему угодно – от вышивания крестиком до основ международного этикета, – но учить принцесс основам мыслительного процесса отчего-то нигде не принято, думать получалось плохо. К тому же слёзы затекли в правое ухо, в нём противно зашумело, захлюпало, и лежать дальше стало невозможным.

Оглядевшись, принцесса решила, что быть немедленно съеденной ей не грозит, а значит, самое лучшее сейчас – это попытаться наладить хоть какой-то контакт с похитителем.

Она надменно задрала подбородок и почти торжественно изрекла:

– И как мне прикажешь к тебе теперь обращаться? – в последний момент подкачала вопросительная интонация, и фраза получилась от этого ещё более нелепой.

Дракон резко повернулся, как будто не ожидал услышать что-либо из этого угла, с минуту разглядывал нахальную добычу и потом хрипло произнёс:

– Меня зовут Тильда.

– Что?? – от замешательства принцесса разом растеряла всю свою надменность. – Но это же женское имя...

– Да, – подтвердил дракон.

– Но... – принцесса наконец догадалась. – Так ты дракониха?

– Я драконесса – древнее и прекрасное создание, мы были, между прочим, первыми на этой земле, – теперь надменность дракона ничуть не уступала принцессе. Последнюю, наоборот, это обстоятельство чуть ли не развеселило. Почувствовав облегчение, она только рукой махнула:

– Да ладно... Драконесса, дракониха – какая разница... Прекрасная и древняя, скажет тоже...

– Ладно. Тогда ты у нас будешь принцессиха.

Юная нахалка сначала надулась, потом с минуту подумала и примирительно сказала:

– Меня зовут Ликаста.

– Договорились... – хмыкнула Тильда, – чай будешь?

– Эй, там какой-то человек, – принцесса взволнованно дёрнула дракона за кончик крыла, привлекая внимание. – Он уже минут пятнадцать чуть ли не пляшет на поляне в пределах видимости.

– Рыцарь что ли? Рановато...

– Нет. На рыцаря не похож.

– А-а... Это почтальон. Он газету мне принёс. Спустись, забери у него, – сонно пробормотала Тильда, зевая во всю пасть, но в последний момент спохватилась. – Нет! Стой! Я сама сейчас выйду.

Через минуту она, задумчиво теребя чешуйку на подбородке, проглядывала последний выпуск «Дворцовых ведомостей»:

– Так. Что тут у нас? Бал, официальный приём, попытка самоубийства фрейлины, официальный обед, раскрытый заговор, официальный ужин...

– И часто он приносит тебе почту? – вмешалась в это бормотание принцесса.

– Да каждую неделю, – рассеянно отозвалась Тильда, продолжая просматривать газету.

– Но почему?

– Я обещала его не есть, если он оформит мне бесплатную подписку на «Дворцовые ведомости».

– То есть если он перестанет приносить газету, ты его съешь?

– Да нет, конечно. Вот ещё. Просто давно заметила, что люди почему-то работают эффективнее, когда пообещаешь их не есть. Вот. Нашла. Похищена всеми горячо любимая принцесса Ликаста. – Тильда оторвалась от чтения и придирчиво рассмотрела принцессу, видимо, пытаясь отыскать в ней что-то настолько горячо любимое, но, не найдя, снова уткнулась в газету. – Все скорбят... Тыры-пыры... Принц Фридегарт, имечко-то какое... Что? Официальный жених? Вот угораздило... И как ты его ласково зовёшь? Фридя? Отправляется в поход? Да здесь на лошади галопом два часа скакать. Какой поход? Ещё и со свитой сюда потащится?

Принцесса, заметно погрузневшая при упоминании этого имени, поморщилась:

– Естественно. Как же он будет побеждать дракона без толпы свидетелей.

– Вот это представление будет. А ты чего скисла? Замуж хочешь?

– Хочу... наверное. Только чему тут радоваться? Ты ж его съешь.

– Ну, кто ж меня знает? Может, и не съем. Как будет себя вести...

– Тильда, ну, объясни, наконец? Зачем ты меня похитила? Ты же даже не дракон?

– Что? Как это не дракон?

– Ну, я же не в этом смысле.

– Почему-почему? Потому что. Драконам полагается похищать принцесс, а рыцарям положено этих принцесс освобождать.

– И кому от этого польза?

– В первую очередь – тебе.

– Мне?? – Ликаста даже кулачки упёрла в бока от возмущения. Получилось, правда, не слишком грозно, скорее смешно.

Дракониха вздохнула:

– Любой муж, хоть король, хоть дворник, будет иначе относиться к своей жене, если он когда-то вырвал её из лап дракона. Я думаю, что было бы намного полезнее для супружеской жизни, если бы каждую невесту предварительно похищал дракон. Но, к сожалению, драконов на всех не хватает. Так что считай, тебе крупно повезло.

Освободительный поход к логову дракона продолжался два дня. За это время прямо на марше провели три официальных приема, два торжественных обеда в честь будущего победителя дракона, один торжественный ужин. Проходящих неподалеку бродячих цирковых артистов сгребли до кучи, и вся эта разномастная процессия, наконец, к вечеру второго дня выкатилась на поляну перед драконьей пещерой.

Принц Фридегарт решил, что выходить на поединок с монстром на ночь глядя будет как-то несолидно, и распорядился разбить лагерь на ночь. Попытались устроить ещё один торжественный ужин с цирковым представлением и фейерверком по случаю завтрашней победы над драконом, но разгневанный рёв упомянутого дракона, больше расположенного вздремнуть перед битвой, чем наслаждаться фейерверком в свою честь, положил конец всем планам и приготовлениям. Ужинать пришлось в темноте и всухомятку.

– Ну, как я выгляжу? – лучась самодовольством и горделиво оглаживая золотистое брюхо, поинтересовалась Тильда.

– Как дракон, – отозвалась принцесса. – Хотя, по логике, этот вопрос должен больше волновать меня. Меня же пришли спасать.

– Но сначала я буду развлекаться... – заявила дракониха, выползая из пещеры.

Вернулась она минут через пятнадцать страшного грохота, во время которого принцесса боялась даже дышать в полную силу.

– Нет, это просто ни в какие ворота не лезет! – возмущалась Тильда, страшивая с крыльев сажу и кусочки обугленной бумаги. – Притащить почти пороховой склад почти в самое логово дракона! Самоубийца твой гениальный принц, иначе не назовёшь!

Когда Тильда немного остыла в прямом и переносном смысле, Ликаста выяснила, что всё-таки произошло на месте благородного поединка вместо самого поединка. Покружив над поляной, размяв крылья и уже одним этим основательно нагнав страху на собравшуюся толпу зевак, дракониха выбрала место, где не было людей, а лежала груда каких-то пыльных коробок и пустила туда мощную струю пламени. Фейерверки бродячего цирка, лежавшие в коробках, ответили почти артиллерийским залпом, который, возможно, и обеспечил бы победу над драконом, если бы

гипотетические победители не разбежались в панике, побросав и остатки торжественного завтрака, и повозки с провиантом, и рыцарских коней, которым пришлось скакать вдогонку за своими рыцарями.

– А где принц? – печально спросила Ликаста.

– А кто ж его теперь знает. Если он нечаянно убится где-нибудь, то ответственности за это я не несу. А что, сильно скучать будешь?

Принцесса промолчала.

Дни в пещере потянулись однообразные до отвращения. Утром Тильда улетала на охоту и возвращалась к полудню с тушей барана или козла. Ликаста, поедая жареное на драконьем огне мясо, каждый день давала себе клятву стать вегетарианкой, когда всё это закончится. Однажды она не удержалась и спросила свою тюремщицу:

– А ты не боишься, что я убегу, пока ты будешь на охоте? За день доберусь до дворца.

– Нет. Не боюсь, – с достоинством ответила Тильда. – А если ты такая дура, что убежишь, то так тебе и надо.

– То есть? – не поняла принцесса.

– Хочешь сидеть весь век в девках – беги, пожалуйста. Можешь даже не ждать, когда на охоту полечу, а топать прямо сейчас. Только потом не жалуйся, когда венценосные женихи будут десятой дорогой обходить принцессу, самостоятельно спасуюся от дракона. И будут при этом совершенно правы. А вдруг новоиспечённая королева и государством самостоятельно управлять захочет?

– И что мне теперь делать?

– Ждать.

– Так уже второй месяц пошёл, как я тут, – вздохнула девушка.

– Что поделаешь, настоящие принцы – это теперь почти такая же редкость, как настоящий дракон.

– Что это? – в один голос воскликнули дракон и принцесса, стоя на пороге пещеры и вглядываясь в пугающую своей нелепостью фигуру на дальнем краю поляны. Всадник ехал на ослике, вместо щита у него был лист кровельного железа с приваренной ручкой от кастрюли, конструкция на голове, призванная выполнять обязанности шлема, больше всего походила на ту самую кастрюлю, с которой отломали ручку для щита. Меч в его руках был очень красивый, но деревянный, из тех, которыми лупят друг друга скоморохи на ярмарках.

Тильда и Ликаста в полном замешательстве попятнулись вглубь пещеры.

– Нет! Только не это! – принцесса обессилена сползла по стене.

– Ты его знаешь?

– Это сын пекаря. Мы играли с ним в детстве, пока меня не застали однажды в его обществе за кражей яблок из дворцового сада и не заперли в покоях.

– А зачем было их красть? Ты же принцесса, тебе что, яблок в детстве не давали?

– Ну, играли мы в благородных разбойников, как будто отбирали у богатых и отдавали бедным.

– Ага. Тогда понятно, почему тебя заперли. А здесь ему что нужно?

– Понятия не имею, – излишне поспешно попыталась отпереться принцесса, но покраснела, возмущённо засопела и, наконец, попросила:

– Не ешь его только, ладно?

– Вот ещё, больно надо мне вас всех есть. Я костями не питаюсь, если что. А сын пекаря мог бы быть и поупитаннее. Так. А ты что всполошилась? Он тебе нравится?

– Да не в этом дело. Он просто очень упёртый, его фейерверком не отпугнёшь, как принца. Его либо есть придётся, либо... – завершать свою речь Ликаста не стала, всё и так было понятно.

– Ясно, – хмыкнула Тильда и на минуту задумалась, а потом напрямую спросила: – Хочешь за него замуж?

Принцесса аж подпрыгнула:

– Я? За какого-то пекаря?

– А что? Будет тебе по утрам горячие круассаны и кофе в постель подавать... – Тильда мечтательно облизнулась.

– Для этого есть горничная.

– Фрр, горничная, скажешь тоже. Вот когда любимый, то можно даже не кофе, а простой кипяток... Ну, решайся! Нужен он тебе или нет?

– Но он не рыцарь даже. Это не по правилам.

– Нашлась поборница правил. Да сделают его рыцарем. В следующем же номере «Ведомостей» напишут, что доблестный рыцарь как-его-там в неравном бою победил зловредного и безжалостного дракона и спас прекрасную принцессу из позорного плена. Хотя совершенно не понимаю, почему позорного. Как его зовут кстати?

– Поль.

– Ну вот. Хотя имя человеческое, язык не сломаешь.

Принцесса потопталась ещё немного возле входа в пещеру, перебрала возможных кандидатов в спасители из всех окрестных королевств, величественно кивнула дракону, отошла в сторону и стала ждать, когда её спасут.

Чёрная Роза

1

Блиц-сообщение капитана Германа Орденсона генерал-лейтенанту Карлу Орденсону от 3 июля 214 года от основания Империи: «Преследую корабль повстанцев. Искомый объект находится на корабле. Приближаемся к точке В12К432А7009. Когда зайдём на орбиту Радесты, собираюсь совершить нападение и захват. До связи».

Топот шагов в узком коридоре звучал оглушительно. Эхо выдавало отголоски, которые наплывали сразу со всех сторон и полностью

дезориентировали. Герман старался вспомнить план здания, и, если память не обманывала, то этот коридор заканчивался тупиком. Женщина, которую он преследовал, уже давно растратила все свои патроны, её тонкая фигура в фиолетовом комбинезоне мелькала где-то на грани видимости мощного прожектора, которым Герман освещал себе путь. Что она будет делать дальше?

Чёрная Роза была личностью в своём роде легендарной, несмотря на юный возраст. Из всех лидеров повстанцев она была самой загадочной, харизматичной и знаменитой. О её семье было известно лишь то, что родители погибли при невыясненных обстоятельствах. Циничная, злая, весёлая и жестокая, она проворачивала просто невозможные на трезвый взгляд операции и уходила из любых ловушек. Ускользала от погони в таких ситуациях, когда, казалось, всё было против неё и вывернуться было никак невозможно. И конечно, она вела за собой очень многих, воодушевляла, вдохновляла и руководила. Фарриды считали её чуть ли не новым пророком и слушались каждого её слова. За её голову была обещана самая высокая награда в истории межгалактического розыска преступников. И уж совсем фантастической удачей был бы захват живьём этой дерзкой удачливой интриганки и террористки.

Герман и не рассчитывал на подобный подарок судьбы, однако вот она, Чёрная Роза, стоит, прижавшись спиной к стене коридора, и затравленно щурится от яркого света. Герман остановился. Эхо затихло.

– Сдавайся, – прозвучал короткий приказ.

Чёрная Роза резко дёрнулась куда-то в сторону, в руках у неё сверкнула сталь, и Герман понял, что, если промедлит хотя бы секунду, долгожданная добыча просто ускользнёт от него в мир иной.

Удар парализатора пришёлся точно по руке с кинжалом, рука сразу же повисла, как плеть. Оружие выпало из ослабевших пальцев. Стрелять из парализатора с такого расстояния было опасно, можно задеть сердце или другие жизненно важные органы, и тогда девушка всё равно бы погибла, но другого выхода не было. На всякий случай Герман обездвигил и вторую руку. Собирался сделать выстрел и по ногам, но вовремя вспомнил, что до корабля путь неблизкий, а тащить пленницу на своей спине в его планы не входило.

Чёрная Роза смотрела на него, не мигая, своими странными глазами и молчала. Её сложно было бы назвать красивой в привычном смысле этого слова, но забыть это лицо было невозможно. Смуглая, даже более тёмная, чем просто смуглая, кожа, роскошная грива чёрных волнистых волос и огромные глаза настолько насыщенного синего цвета, что в тени казались фиолетовыми. Черты лица были тонкие и изящные, но всё вместе производило впечатление какой-то нечеловеческой внутренней силы. Глядя на Чёрную Розу, невозмутимо и отрешённо стоящую у стены, Герман понял, почему она обладает таким авторитетом и властью в тайном обществе фарридов, которое уже двести лет ведёт неравную и жестокую войну со всей Империей.

– Почему я ещё жива? – неожиданно спросила пленница.

– Потому что ты пойдёшь со мной.

– Зачем? Убей меня сейчас, и у тебя не будет больше проблем в жизни. Ты станешь народным героем, тебе дадут орден, а на деньги, полученные за мою голову, ты сможешь безбедно жить до конца своих дней.

Она говорила спокойно и тихо, каждое слово как будто ложилось на предназначенное ему место. Чёрная Роза играла только по своим правилам. Она не позволяла себе суесться или умолять о чём-либо. Герман почувствовал, что ему навязывают тон и темп переговоров, разозлился на себя за чувство неуверенности, которое внушала ему эта женщина, но не нашёлся, что ответить, и лишь молча жестом приказал ей идти впереди.

Она осторожно двинулась вперёд, парализованные руки неестественно болтались и один раз она, оступившись, чуть не упала. Герман хотел ей помочь, но чувствовал, что боится к ней даже прикоснуться, и этот страх был таким же естественным, как страх перед ядовитой змеей, пусть и очень красивой.

Наконец длинный коридор вывел их из здания разрушенного аэропорта в пустыню. Пурпурное солнце Радесты окрасило песок в ярко-розовый цвет. Тени от камней были цвета крови. Идти предстояло весь долгий день по раскалённому песку.

2

Капитан Герман Орденсон не имел права жаловаться на жизнь. С рождения окружённый любовью и заботой близких, он рос, не зная недостатка ни в чём. Сын видного военачальника Империи с пяти лет умел стрелять, а с двенадцати уже водил в рейды лёгкие космические корабли. Разумеется, всё это он делал под присмотром отца и двух старших братьев. В свои двадцать пять лет он блистательно завершил высшее образование и начал строить многообещающую военную карьеру. Равнодушный к выпивке, азартным играм и женщинам, младший Орденсон имел лишь один недостаток. То ли отец и братья настолько его берегли, то ли просто так сложилась судьба, но за всё время, даже при участии в настоящих военных действиях, ему не приходилось убивать. Герман стойко переносил опасности и походные трудности, но никогда не ловил на себе стекленеющий, полный ненависти взгляд только что убитого им врага. Всегда находился кто-то, кто делал всю грязную работу. Орденсон не раз ругался по этому поводу со своими братьями, требовал большей самостоятельности, и в этот рейд, на охоту за Чёрной Розой, он опрометчиво отправился один почти наперекор приказу отца, который пытался было спорить, но почему-то в последний момент решил смириться и дать своему младшему сыну проявить себя.

Вспоминая этот разговор и глядя в спину пленницы, Герман ощутил прилив такой гордости и уверенности в своих силах, что даже кровавое небо Радесты на какой-то миг перестало казаться безнадежным и мрачным.

Они шли уже десять часов. Девушка заметно устала. Она ссутулилась и прихрамывала.

– Привал, – командовал Герман. Чёрная Роза тяжело повалилась в песок, легла на спину, пытаясь придать парализованным рукам более удобное положение.

– Будешь пить?

Молчание в ответ.

– У меня есть вода и энергетик, – настаивал Герман. Девушка никак не реагировала. В немигающих глазах отражалось заходящее солнце.

Оставив её пока со своими мыслями, капитан разжёл походный очаг, с аппетитом поел, в своём воображении он уже доставил пленницу в Главное управление, рассказал обо всём семье, получил награду и новое звание. Он не боялся за сохранность своей добычи. Корабль Чёрной Розы взорвался при приземлении, она едва успела уйти живой, на борту кроме неё никого не было, другие силы повстанцев вряд ли бы так быстро сумели её найти. Действие парализующей жидкости длилось около трёх дней. Даже если бы фарриды знали, где искать своего кумира, они не сумели бы достаточно быстро среагировать. На Радесте можно было находиться не более тридцати часов, особый вид радиации убивал любую форму жизни. Герман знал, что отпущенное ему время подходило к концу, но и до корабля оставалось идти не более двух часов.

Капитан всё же старался не терять бдительности, хотя чувство эйфории от победы наполнило его какой-то неведомой раньше лёгкостью и думать сейчас о каких-либо проблемах не хотелось совершенно.

– Давай договоримся... – нарушила наконец молчание Чёрная Роза.

Сейчас девушка выглядела далеко не так самоуверенно, как раньше. Лицо осунулось, глаза, окружённые чернотой, казались ещё больше, в них горела отчаянная решимость и какая-то обречённость.

– Как? – этого капитан ожидал меньше всего. Он чуть дар речи не потерял от такой наглости. Что эта чертовка может предложить ему, когда он находится в одном шаге от исполнения своей самой заветной, самой недостижимой мечты?

– У меня есть деньги. Их очень много. Тебе никогда не заработать столько честной службой.

– И ты всерьёз воображаешь, что я поведу на это? А все считают тебя очень умной и хитрой. Кажется, слухи о тебе преувеличены, – Герман говорил пренебрежительно, почти с презрением, он упивался своей честностью и неподкупностью. – Чтобы кто-то из Орденсонов отпустил преступницу ради денег?

– Нет! – перебила Чёрная Роза. После этой отповеди она выглядела жалкой и несчастной. – Не отпустить! Я знаю, что ты не отпустишь меня.

– Тогда чего же ты хочешь?

– Убей меня. Ты доложишь начальству, что я оказала сопротивление, и пришлось меня убить. Твоя честь не пострадает. Никто и не ожидает, что я сдамся живой. Я знаю, что живая я стою дороже, чем мёртвая. Деньги будут компенсацией.

Услышав про деньги, капитан вновь вознегодовал:

– Не смей пытаться подкупить меня! – яростно прошипел он. Чёрная Роза низко опустила голову. Она дрожала, будто пытаюсь сдерживать рыдания. Её голос звучал глухо и надломлено.

– Я не хочу подкупить... Я умоляю... Помогите мне... Они будут мучить меня несколько лет, прежде чем дадут умереть. Я знаю слишком много и слишком многих. Ты не представляешь, какие страшные пытки бывают в этой жизни. Убей меня раньше, чем начнётся весь этот ужас.

Герман был смущён, хотя всеми силами старался не показать этого. Он отдалённо слышал об Особом отделении, которое занималось исключительно допросом преступников. Это отделение находилось в подвальных этажах Главного управления, вход туда был строго по пропускам и только для избранных. Говорили шёпотом, что в ведении этого отделения есть даже лаборатория, в которой создают новые лекарства для того, чтобы быстрее развязывать язык самым отъявленным и упорным. Вокруг этой темы ходило много сплетен и слухов. Отец отказывался отвечать на вопросы о пытках, да они не так уж и сильно интересовали молодого благополучного капитана. Всем без исключения было известно лишь одно: если заключённого отправляли в один из подвальных этажей, больше наверху его никто и никогда не видел.

Чёрная Роза молчала и выглядела совершенно сломленной. Она настолько не соответствовала своему привычному образу несокрушимой легенды повстанцев, что Герман ощутил что-то похожее на жалость и чувство вины. Его никто и никогда ни о чём не просил так отчаянно. В голове прокручивались все возможные и невозможные варианты развития событий. Ему не было дела до денег, которые предлагала девушка, но согласись он на предложение пленницы, появится дополнительное время, чтобы разобраться в ситуации и принять верное решение.

– Хорошо. Я подумаю. Где эти деньги и сколько их?

Чёрная Роза назвала сумму, в три раза превышающую самые запредельные предположения Германа. Он недоверчиво покачал головой:

– И где же водятся подобные сбережения?

– Я назову координаты, если ты дашь слово убить меня сразу же, как только деньги будут в твоих руках.

Мужчина задумался. Дать слово, а потом думать, исполнять его или нет, противоречило его понятиям о чести. Но когда речь заходила о фарридах, вспоминать о кодексе и чести было как-то не принято. Слишком жестокими и беспринципными были эти восторженные почитатели какой-то непонятной свободы. С другой стороны, Герману не давала покоя мысль о спрятанном богатстве. Вдруг упомянутые координаты – это ключ к нахождению тайной базы заговорщиков. Ему не обязательно брать эти деньги себе. Он может сдать их в казну Империи. С каждой минутой возражения совести становились всё тише, возможность представлялась уникальная, и капитан решил.

– Даю слово. И тебе этого достаточно?

Чёрная Роза внимательно посмотрела в глаза своего собеседника и кивнула.

3

Блиц-сообщение капитана Германа Орденсона генерал-лейтенанту Карлу Орденсону от 4 июля 214 года от основания Империи: «Корабль повстанцев разрушен. Он управлялся автопилотом и был совершенно пуст. Продолжаю преследование. Есть вероятность, что искомый объект скрывается в точке P8X104O9627. Направляюсь в указанную точку. До связи».

Корабль капитана Орденсона был средней по размерам триерой, главным достоинством которой была не огневая мощь, а поистине фантастическая скорость, с которой она поглощала расстояния между галактиками. Обычно такие корабли использовали представители высшего офицерского состава, поэтому внутри всё отвечало повышенным требованиям комфорта и изысканного вкуса имперской аристократии. Каюта Чёрной Розы напоминала обычный гостиничный номер, только вид из большого панорамного окна можно было настроить по своему вкусу. Ковёр, покрывало и шторы тёплого молочного цвета, стены и пол бирюзовые, светлая мебель, светильники в форме лилий. Окно было открыто и за ним можно было увидеть песчаный пляж, скалы и море в лучах закатного солнца.

Координаты, которые назвала девушка, указывали на малоизвестную планету Кратос в соседней галактике. Это расстояние крейсер мог преодолеть за десять дней пути при благоприятных условиях. Первые три дня Чёрная Роза практически не вставала с постели. Она была измучена долгой погоней, тяжёлым переходом, а ещё больше душевными терзаниями. Много неудобств доставляли бездвиженные руки, которые только к вечеру третьего дня стали понемногу приходить в норму. Всё это время капитан не беспокоил её, поручив заботам робота-горничной. На четвёртый день утром робот передал ей приглашение капитана составить ему компанию за завтраком.

Герман и желал, и боялся этой встречи. Конечно, никто не мешал ему обращаться с девушкой, как с обычной арестованной преступницей, держать её взаперти, избегать лишних разговоров, получить деньги, а потом действовать по ситуации. В личном деле за ней числился такой длинный список, что он вполне мог убить её и даже не терзаться совестью по этому поводу. Её официальная казнь в любом случае была бы более мучительной. А если не убивать, то придётся нарушить данное слово. Это угнетало капитана больше всего. Он не признавался даже самому себе, что боится окончания этого рейда, как никогда и ничего не боялся в этой жизни. Томясь от скуки в течение трёх дней, он не выдержал и решил поближе пообщаться с Чёрной Розой, чтобы составить о ней собственное мнение и сделать свой выбор.

Когда девушка появилась в столовой, Герман её сначала не узнал. Очень светлая кожа с веснушками и глаза цвета стали, вместо пышных чёрных волос короткая рыжая стрижка – всё это в первый миг обескуражило капитана. Он застыл на миг, отказываясь верить увиденному. На корабле, кроме него, не было ни одного живого человека, всю основную работу выполняли роботы. Единственное, что осталось у незнакомки от Чёрной Розы, – это разрез глаз. Они были такими же огромными, но ничего странного и пугающего в этом не было.

– Доброе утро, – чинно произнесла девушка, садясь за стол на приготовленное для неё место.

Герман понимал, что нужно что-то ответить, но все слова застревали в горле.

– Неожиданная метаморфоза, – наконец выдал он из себя.

– Я подумала, что раз уж жить мне осталось всего неделю, то нужно провести это время с удовольствием. Вы не представляете, капитан, до чего утомил меня весь этот маскарад за десять лет.

Она перешла на «Вы», но это странным образом сделало меньше расстояние между ними. Как будто нет никакого договора, следствия, ареста, нет противоборствующих сторон, а просто два человека, не связанных никакими обязательствами, но достаточно приятных друг другу, ведут непринужденную светскую беседу. Герман оценил это, но не принял правила игры:

– Как тебя зовут на самом деле? – спросил он.

– Родители назвали меня Розой. Чёрной я стала позднее.

– Что с ними произошло?

– После похорон мне сообщили, что они погибли в результате фарридского теракта.

– Но ты же... почему ты тогда с ними? С фарридами?

– Потому что я не поверила в это тогда и не верю до сих пор. Фарриды спасли меня, дали всё необходимое для жизни, образование и даже утешение, насколько это было возможно.

– А потом потребовали возглавить ополчение? – Герман насмешливо и недоверчиво посмотрел на собеседницу.

Она досадливо поморщилась:

– Никто от меня ничего не требовал. И вообще, к чему все эти вопросы? Меня уже давно осудили и приговорили. Ответы никому не нужны.

И она с аппетитом принялась за завтрак.

4

Когда два человека в течение недели находятся в замкнутом пространстве и не испытывают друг к другу особой ненависти, скорее всего, они будут вместе проводить время. Роза вполне освоилась на корабле, однако не делала ничего такого, за что её можно было хотя бы заподозрить в подготовке побега. Она почти всё время сидела в кают-компании с книгой в руках и делала вид, что читает. Герман знал, что она не читает, а делает вид,

но в свою очередь делал вид, что не замечает этого. Сначала он имитировал бурную деятельность по управлению кораблём, но всем всё было ясно без слов, что корабль такого уровня оборудован автопилотом, и делать в принципе нечего. Время от времени капитан заходил в кают-компанию, садился в кресло, задавал ничего не значащие вопросы, получал ничего не значащие ответы, нервно теребил пуговицу на мундире и вновь уходил изучать уже давно намозолившие глаза электронные карты или проверять курс корабля. В положенное время они завтракали, обедали или ужинали, желали друг другу «спокойной ночи» и расходились по своим комнатам.

Утром седьмого дня пребывания на борту «Акулы» Роза торжественно объявила.

– Капитан, сегодня у меня день рождения. Поскольку он последний в моей жизни, не соблаговолите ли Вы исполнить несколько моих желаний.

Герман задумался на пару секунд, а потом ответил тем же торжественным тоном:

– Я в полном Вашем распоряжении, сударыня, если в списке Ваших желаний не значится побег с этого корабля.

– Ну что вы, это было бы так вульгарно, – рассмеялась Роза. – Итак. Первое желание. Мы не были официально представлены друг другу. Не кажется ли Вам, что пора исправить это?

– Действительно, давно пора. Капитан Герман Ордenson к Вашим услугам.

– Могу ли я звать Вас по имени?

– Разумеется. Какие ещё желания будут?

– Пока всё. Осталось только желание позавтракать.

Тут Герман решил задать давно интересовавший его вопрос.

– Роза, а зачем нужен был этот чёрный парик и всё остальное?

Девушка сразу стала серьёзной.

– Когда погибли родители, это был единственный способ сохранить себя, не сойти с ума. Я как будто похоронила себя вместе с ними и создала при этом новую личность, более сильную, красивую, эффектную. Потом, уже повзрослев, я оценила преимущества этого образа. Люди по сути все одинаковы. Их привлекает всё яркое, необычное, даже странное. В образе серой мышки я бы вряд ли добилась такого положения, которое у меня сейчас. И хотя теперь меня это положение скорее тяготит, расставаться с маскировкой было бы глупо.

– И что, действительно, никто не догадывается?

– О моём втором «я» знают человека три самых близких друзей. Остальным даже в голову не приходит заподозрить что-нибудь подобное. Очень удобно. Обычно люди, когда хотят стать незаметными, клеят накладные усы и бороды, надевают парики и выглядят при этом как люди с фальшивыми усами и в париках. К гриму нужно привыкнуть. Полиция выслеживает опять же, людей с фальшивыми усами. А если носишь грим постоянно, если это твоя вторая кожа, то нет ничего проще, чем снять его,

стать совершенно неузнаваемой и при этом не вызывать подозрений, потому что всё настоящее.

Завтрак подошёл к концу.

– И к каким же ещё желаниям мне нужно быть готовым? – спросил Герман.

– Так. Первое. Я уже лет пять не играла в шахматы. Здесь есть шахматы?

– Думаю, найдутся.

– Второе. Бассейн и сауна. С этим как?

– Это тоже без проблем. Нужно оставить заказ роботам. Они всё организуют.

– А ещё хочу за ужином выпить хорошего вина. По известным причинам я не могла себе этого позволить очень давно, даже не помню уже когда.

– Будет исполнено.

– Ах, капитан, Вы не представляете, как я Вам благодарна, – Чёрная Роза улыбалась почти искренне, но было в её облике что-то шутовское.

– Не стоит. Только у меня тоже есть одно малюсенькое желание.

– Какое?

– Я терпеть не могу поддерживать светские беседы, а также кривляться и ломать комедию только ради соблюдения этикета. Я устрою всё, что ты перечислила, но если будет хоть малейший намёк на какие-нибудь подозрительные действия с твоей стороны, ситуация сразу же изменится, и гарантирую, что тебе это не понравится. Я не собираюсь делать вид, что это круизный лайнер, и тебе не советую слишком уж увлекаться.

Произнеся всё это, он ушёл, ни разу не оглянувшись. Чёрная Роза задумчиво и оценивающе смотрела ему вслед.

5

Блиц-сообщение капитана Германа Орденсона генерал-лейтенанту Карлу Орденсону от 10 июля 214 года от основания Империи: «Искомый объект захвачен и находится у меня на борту. Направляюсь к точке P8X104O9627. Прошу выслать корабль-тюрьму с подкреплением для передачи и транспортировки задержанной. Встреча в указанной точке 13 июля в 19.00. До связи».

– Это действительно очень хорошее вино... Последний ужин приговорённого к смерти, – Роза смотрела на свет через тонкий сверкающий бокал.

– Ну, допустим, не последний. Нам ещё лететь и лететь, – хмыкнул Герман. Он не мог понять, для чего девушка постоянно подчёркивает и напоминает ему о своей скорой гибели.

– Почему ты не пьёшь?

– Ты всерьёз решила меня напоить, а потом угнать корабль? Так банально?

– Ну что ты? Конечно, нет. Я знаю систему безопасности подобных кораблей, как свои пять пальцев. Знаю, что всё здесь завязано на одном

конкретном человеке, в данном случае – на тебе. Здесь в ход идет всё: от примитивных отпечатков пальцев, до кардиограммы и МРТ головного мозга. Корабль в любых условиях будет слушаться тебя и только тебя. Эта система безопасности имеет, в свою очередь, свою систему безопасности от взлома, вируса, хакерской атаки и ещё от целого списка мыслимых и немыслимых возможных неполадок. Обойти её ещё никому пока не удавалось.

– Ты хорошо информирована.

– Толку-то от этой информации. Её хватает только на то, чтобы убедить меня, что не стоит лезть на рожон.

– Уже неплохо. То есть я могу спать спокойно?

– Я уже отыграла свою партию. Ты не представляешь, как я устала быть идиолом, как давно хотелось просто посидеть и отдохнуть, вот примерно как сейчас.

– То есть тебя вообще не волнует то, что будет через три дня?

– Целых три дня – это почти жизнь для того, кто каждый день вынужден скрываться и рисковать. Три дня – это непозволительная роскошь для меня.

– Расскажи о своих родителях, – попросил Герман.

– Ну... Что рассказать? – девушка явно расслабилась под действием вина и была настроена на откровенность. – Мы жили настолько хорошо, что раньше или позже что-то подобное должно было случиться. Говорят, идеальных семей не бывает. Моя была идеальной. И я не преувеличиваю. Дети склонны помнить только хорошее, но я уже не была ребёнком, когда их не стало. Отец и мать любили друг друга, и это было видно, хотя они прожили вместе много лет. Они умели работать и умели отдыхать. На праздники в нашем доме собиралось много весёлых друзей. Пойми, это скучно описывать, если не видел своими глазами. У меня целый ящик прекрасных воспоминаний. И одно страшное, жуткое, настолько невыносимое, что хочется убить свою память, только бы оно не возвращалось.

– Тогда не говори об этом. Зачем портить прекрасный вечер?

– Поздно, капитан, – с горькой улыбкой произнесла Роза. – Ты уже выпустил джина из бутылки.

Она помолчала.

– В тот день они улетели на встречу с главами Империи. Ты же знаешь это из моего личного дела?

– Знаю. И на обратном пути нарвались на корабль повстанцев. Никто не выжил.

– Такова официальная версия. Мне сообщили об этом только через три дня. Три дня я сидела дома и пыталась связаться хоть с кем-нибудь и выяснить, что произошло. Тебе случалось 150 раз набирать один и тот же номер, и слышать, что «абонент вне зоны действия сети». Когда ко мне домой заявились уважаемые представители власти, я была уже на грани нервного срыва. Меня быстренько забрали и увезли на «скорой» в одно очень интересное медицинское учреждение. Я плохо помню, что там

было, потому что постоянно находилась под действием очень сильных лекарств и понемногу сходила с ума.

– Но ты же сбежала оттуда?

– Смеёшься? Я была не в том состоянии, чтобы сбежать. В один прекрасный день на пороге моей комнаты появился Людвиг и просто вытащил меня оттуда.

– Кто такой Людвиг?

– Это мой самый близкий друг.

– Друг?

– Друг.

– И он фаррид?

– Фаррид. Не думай, что эта информация тебе чем-нибудь поможет. Я назвала тебе вымышленное имя.

– Ладно. И что дальше?

– Дальше ты знаешь в общих чертах. Подробности скучны. Могу сказать только, что я всё-таки выяснила, что стало с моими родителями. И кто виноват в их смерти.

– И ты не хотела отомстить?

– Хотела. Можно сказать, это единственное, чего мне с тех пор по-настоящему хотелось. Но, видно, не судьба, – Роза снова смотрела на свой бокал, но теперь взгляд её был мрачным и отрешённым.

Герман попрощался и вышел.

6

На следующий день завтрак проходил в молчании. Роза выглядела уставшей, почти ничего не ела, но почему-то смотрела только в свою тарелку или на скатерть. Герман не выдержал:

– Обдумываешь план побега? – ехидно поинтересовался он и тут же сам устыдился своего ехидства. Даже покраснел.

– Что? – Роза, казалось, даже не слышала его.

– Нет. Ничего. Всё в порядке.

Как будто очнувшись ото сна, девушка принялась за еду.

– Кем тебе приходится этот Людвиг? – снова нарушил молчание капитан.

– Людвиг? Просто друг.

– Ты говорила самый близкий друг, – Герман с изумлением отметил в себе странную смесь раздражения и зависти. Или ревности.

– Если я кого-то называю другом, это само по себе будет означать близость и доверие, – назидательно произнесла Роза.

– Ладно. Ясно. А возлюбленный у тебя есть? – капитан очень старался проговорить эти слова самым будничным тоном, возможно, поэтому прозвучали они так бестактно и грубо. Девушка даже оторвалась от своей тарелки и скептически посмотрела на своего собеседника. Усмехнулась:

– Нет. Возлюбленный мне по статусу не положен. У пророка не может быть семьи.

– А ты пророк?

– Они так думают.

– А на самом деле?

– На самом деле впадаю ли я в транс и слышу ли голос божества в своей голове? Капитан, ну вы же разумный человек. Такие вопросы, честное слово, даже не знаю как на них реагировать... Хотя на данный момент я знаю свое будущее, а это уже немаловажно.

День прошел тоскливо и утомительно. Герман вновь слонялся между кают-компанией и командирской рубкой. Роза больше не делала вид, что читает, а сидела, уставившись в одну точку, и словно пребывала в иной реальности.

Вечером капитан сам предложил девушке вина. Она благодарно улыбнулась и приняла бокал из его рук.

– Я всё-таки не понимаю, – продолжил Герман прерванный разговор. – Зачем тебе всё это? Ты могла просто спрятаться от преследования. Если твоя семья была такой замечательной, неужели тебе никогда не хотелось иметь свой дом, детей?

– А с чего у тебя вдруг такие мысли и такие вопросы?

– А с того, что ты умеешь создавать яркий и немного пугающий образ, но на самом деле ты другая: простая, домашняя, тебя хочется видеть хозяйкой большого уютного дома. На лужайке перед домом обязательно должны расти циннии, а в будке у ворот сидеть огромная собака.

– Как мило, – Роза улыбнулась, как будто вся засветилась изнутри. – Это не моя, а твоя мечта, капитан. Что же ты, ещё не встретил хозяйку для своего большого дома?

Герман помолчал несколько секунд, прежде чем ответить:

– Просто всё как-то неправильно. На меня уже давно давят с женитьбой отец и мать. Даже руководство. Им же спокойнее, когда все офицеры пристроены и не нужно ожидать неприятных сюрпризов или необдуманных поступков. А я так не могу. Я же не корабль себе выбираю. Это даже просто представить, что всю жизнь будешь жить под одной крышей с человеком, которого сначала совсем не знаешь... Как-то я путано объясняю, но точнее не могу.

– Я поняла. Ты ищешь озарения свыше, ждёшь, что в твоей жизни воплотится красивая сказка о принце и принцессе.

Герман покраснел, сердито тряхнул головой:

– Нет. В сказки я не верю. Но мои родители живут вместе уже страшное количество лет и ни дня не любили друг друга. Они даже поругаться как следует не умеют. Им даже это неинтересно. Настолько они друг другу скучны и противны. Самое парадоксальное, что они нас, своих детей, очень любят. При этом они люди одного круга, одного достатка, у них были все условия, чтобы их брак стал идеальным. Я не понимаю, в чём причина, знаю только, что не хочу так, как они. Лучше уж один. Но ты-то почему одна, если у тебя всё было по-другому?

– Потому что тоже не верю в сказки. Любить – значит быть слабым, зависимым, доверчивым, значит, ежеминутно подставлять себя под удар, значит отдать кому-то на растерзание свою душу, а нужна ли этому кому-то твоя душа – ещё вопрос. Вероятность встретить действительно своего человека стремится к нулю. Из всех любящих пар, если выразить их степень увлечённости друг другом в количественных показателях, эти показатели всегда будут у кого-то больше, а у кого-то меньше. От этого дисбаланса все споры, конфликты, ревность и измены. Ну, и зачем мне всё это нужно?

– И где же выход?

– Выход? А нигде. Это реальное положение вещей в природе. С ним остаётся просто смириться. Нет верности и постоянства нигде, ни в чём и ни в ком. Всё пребывает в движении. Но люди иногда всё ещё способны, как это ни странно, дать друг другу утешение.

Роза встала и подошла к огромному иллюминатору, за которым сияла великолепная панорама звёздного неба. Её грация притягивала взгляд. Герман двинулся за ней, почти не осознавая этого. Что-то почувствовав, она резко обернулась. Её глаза были так близко, что можно было разглядеть едва заметные лучики-морщинки в уголках. Прочитать истинное выражение этих глаз было невозможно: смесь затаённого страха, боли, унижения, тщательно скрываемого торжества, нежности, обречённости, а в самой глубине какая-то дикая, первобытная, почти безумная жажда опасности.

– Дай мне утешение, – попросила Роза. – Всё, что мне нужно, это всего лишь немного тепла...

7

– Знаешь, ты меня удивила, – Герман держал в руках увесистую коробку и с изумлением разглядывал её содержимое. – Я с самого начала не верил в наличие этого богатства. Слишком много и в слишком доступном месте. Ну и что, что это только ты знаешь пароль? Пещера чуть ли не единственная на планете, до тайника час пути. Я совершенно не понимаю, как его до сих пор случайно никто не обнаружил.

– Там есть система безопасности.

– Устаревшая лет на десять.

– На пятнадцать. Здесь никто не был пятнадцать лет. Из всех живых людей знала о тайнике только я. Это сбережения моих родителей. Все счета после их убийства были арестованы. Отец предвидел возможность такого развития событий. Поэтому выкупил эту планету вдали от торговых путей, и сделал здесь что-то типа сейфа. Более тихое место сложно представить.

– А я всё ждал, когда тебя начнут спасать. Тут обязательно должна была быть засада.

– Уж прости, я не успела её организовать. Некогда было.

Герман закрыл коробку и в упор посмотрел на девушку. Она оставалась внешне спокойной, только дыхание участилось и слегка

дрожали кончики пальцев, когда она нервно потирала руки. В потемневших глазах была злость, почти угроза. В молчании прошло несколько минут. Наконец, Роза медленно произнесла:

– Я выполнила свою часть договора. Ваш ход, капитан.

Герман устало откинулся на спинку кресла:

– Забирай своё наследство, возьми запасной катер и исчезни отсюда.

Девушка ошеломлённо смотрела на него.

– Даю тебе час, чтобы собрать всё необходимое в путь.

– А как же ты?

– А что я? Ну, будет у меня неудачный рейд. В первый раз что ли? Да. И ещё. При нашей следующей встрече я тебя убью. Сразу. Даже разговаривать не стану.

Роза быстро вышла из комнаты.

Через полчаса она вновь появилась в командирской рубке. За плечами был рюкзак, а в руке небольшой серый конверт. Она снова была в парике и в гриме. Герман встал. Он видел за фиолетовыми контактными линзами светлые глаза, в которых блестели слёзы. Девушка быстро подошла, порывисто обняла его за шею, отступила на шаг:

– Поедешь со мной?

– Ты же знаешь, что нет. – Герман чувствовал, что его как будто подвесили за ребра над пропастью. Все его силы уходили на то, чтобы оставаться спокойным.

– Да. Я знаю, что ты не можешь... – печально сказала Роза. – Передай это своему отцу. Только лично в руки, и чтобы никто не видел. Обещаешь?

Капитан кивнул и спрятал конверт в ящик стола:

– Иди уже... – он устало махнул рукой и услышал сухой щелчок выстрела. Поднял голову: Роза смотрела на него и сжимала двумя руками парализатор. Герман почувствовал, что его ноги онемели, и пол поехал куда-то в сторону. Руками он сумел смягчить падение и неловко привалился к письменному столу. Он отказывался верить в происходящее.

– Зачем?

– Мне жаль, – тихо сказала Роза, подходя ближе. – Ты потом всё поймёшь, может быть. Они скоро будут здесь. Я сейчас выстрелю в сердце, но промахнусь. Ты выживешь. Если я этого не сделаю, тебя казнят за измену. Прости меня. И помни, что во всём, что я тебе говорила, не было ни слова лжи.

8

Генерал-лейтенанту Карлу Орденсону

К сожалению, генерал, не смотря на прекрасное воспитание, я не могу пожелать Вам доброго здоровья или ещё каким-то образом поприветствовать Вас. Что можно пожелать злейшему врагу? Много, но об этом не пишут в письмах. Поэтому обойдёмся только самым необходимым. Довожу до Вашего сведения, что Ваш младший сын виновен в измене идеалам империи,

он поддался чарам преступницы, то есть меня, и отпустил её, то есть меня, на свободу, снабдив всем необходимым, хотя должен был сопроводить в тюрьму и предать в руки правосудия. Уверена, что Вы не ожидали такого поворота событий. Расскажу по порядку.

Эта история началась давно. Началась с того, что Вы, генерал, отдали приказ казнить Маргариту и Раймонда Макридеров, обставив всё, как нападение повстанцев. Конечно, ведь учёный грозился рассказать всей вселенной о преступлениях империи и отказался участвовать в дальнейшем проектировании межгалактического оружия. Он стал не нужен. Что же оставалось: его с женой убрать, а несовершеннолетнюю дочь отправить в психлечебницу подальше. У девочки и так нервный срыв, а там можно будет и до суицида довести. И никто ни в чём не виноват. То есть виноваты, как всегда, фарриды, кто же ещё? Только вот ошиблись Вы, генерал. Дочку надо было тоже прибить по-тихому. Она ведь сбежала. И не просто сбежала, а напрямиком к фарридам. И все эти годы бредила одним-единственным желанием отомстить. Только как до Вас добраться? Да и неинтересно это: убить Вас? Пошло и скучно. А вот сын у Вас очень даже примечательная личность.

Я его долго выслеживала. Он, наивный, думал, что на меня охотится, а всё было с точностью наоборот. Рисковала ли я? Да. Я всегда рискую. Но всё же вероятность того, что он меня убьёт, была невелика. Я посулила ему много денег, очень много даже по Вашим понятиям, генерал. И он купился на это. Единственное, в чём я ошиблась, это в его мотивах. Оказывается, есть ещё люди, кого деньги не интересуют. Он их отдал мне. И отпустил, представьте себе, хотя обещал убить, чтобы избавиться от пыток и вашего хвалёного правосудия. Поэтому мне стало даже как-то стыдно просто взять и уехать, да ещё учитывая то сообщение, которое я Вам отправила от его имени. Поэтому план пришлось корректировать по ходу действия. И поэтому история, которую я Вам поведала, не отразится на репутации капитана Германа Орденсона, который в одиночку поймал преступницу, но не сумел вовремя передать властям, потому что на его корабль было совершено дерзкое нападение фарридов, которые вышеназванную преступницу и отбили. Нападение я инсценировала очень качественно, придраться будет просто не к чему. Можете даже орден доблестному капитану выдать. Он заслуживает и большего. Как я отправила сообщение от имени Германа? Пусть это останется моим маленьким секретом.

Остаюсь всегда Ваша, Роза Макридер.

P.S. Последняя просьба, генерал. Передайте от меня капитану Герману Орденсону искреннее пожелание счастья. Я ни о чём не жалею, хотя месть моя и не может считаться полностью совершённой. Тем не менее, теперь Вы знаете, что не просто жизнь Вашего сына, а репутация всей Вашей семьи, а также Ваша карьера была спасена только благодаря моему минутному капризу. До скорой встречи, генерал!

Вампир

Августовский дождь заливал продрогший город. В ранних сумерках очертания предметов казались зыбкими и переменчивыми. Самая большая городская гостиница, гордо именующая себя отелем «Престиж», призывно светилась жёлтыми и розовыми огнями. В подсобном помещении при свете настольной лампы склонились над модным журналом две очаровательные девицы фигурки. За чтением светской хроники время тянулось незаметно.

Наконец одна из девушек, худенькая и смуглая, устало отодвинулась от стола и сонным голосом сказала:

– Ерунда это всё. Можно подумать, так интересно знать, почему Вася Пупкин в одиннадцатый раз развёлся и на ком он собирается жениться в двенадцатый раз.

– Ты ничего не понимаешь... Это же богема. Продюсеры, актёры, музыканты. Там такие деньги крутятся. Это жизнь, куда нам с тобой нет ходу. И не будет, пока ты за кого-нибудь из наших постояльцев замуж не выскочишь.

– Нужны они мне, вот ещё...

– Карина, тебе уже двадцать три скоро стукнет. Ты так всю жизнь и собираешься проходить в горничных?

– А что мне, принца на белом коне ждать? Так принцев всех разобрали давно. На наш с тобой век только кони остались, – с грустной улыбкой произнесла та, которую звали Карина.

– Ну, зря ты так, – обиделась её подруга, – я тебя уже сколько зову. С ребятами бы познакомилась. Посидели бы.

– Маш, ты прости, конечно, но я на твоих ребят даже издали без дрожи взглянуть не могу. Они какие-то плоские все, что ли. И лица... как это... кирпича просят... вот. Я лучше книжку читаю.

– Ага. Книжку. Про вампиров опять. Не надоело? Может, и я тебе кажусь, как это называется, примитивной? Может, ты и со мной только потому, что работаем вместе? – Маша готова была всерьёз обидеться.

– Нет. Ну что ты? – испугалась Карина и тут же попыталась сменить тему.

– Пошли в кино. Завтра. Только мы с тобой.

– А что показывать будут?

– «Сумерки», – интонация, с которой было произнесено это единственное слово, могла сказать очень много о Карине и её вкусах и увлечениях.

– Ладно, пойдём. Мне этот, Роберт Паттинсон, тоже нравится.

– Не Роберт Паттинсон, а Эдвард, – поправила Карина.

– Ну, какая разница? – возмутилась Маша.

– Большая. Я смотрю фильм, и мне совершенно однофигственно, как зовут этого героя в другой жизни. И не интересно, что он ест на завтрак и какой его любимый цвет.

– Странная ты. Зацикленная какая-то. Ладно, я понимаю, можно фанатеть по живому человеку, но ты читаешь книги про вампиров,

смотришь фильмы про них – и что дальше? В реале-то ты что делаешь? Комнаты прибираешь. А жить как?

– Ну, я же живу, – улынулась Карина.

– Ты не живёшь. Ты как будто спишь всегда. И видишь сны. Очнись, подружка, вампиров не существует.

Тут Карина как-то вся засветилась изнутри, глаза её заговорщицки заблестели. Она улынулась ещё шире и произнесла восторженным шёпотом:

– А вот и существуют, – торопливо соскочила со своего места, заглянула за дверь, осторожно её закрыла и вернулась к столу.

– Ты только никому не говори. Ладно?

Маша скептически следила за манипуляциями подруги, обречённо вздохнула и кивнула своей рыжей головой.

– Он у нас остановился. Уже два месяца здесь живёт. Я сначала не обратила внимания. Потом удивилась: почему человек так странно живёт. А потом присмотрелась – и всё поняла. Машка, у него глаза красные. Когда свет падает под определённым углом, прямо как кровь...

– Остановись. Что ты несёшь? Приехали. Спасу нет от этих вампиров. Теперь они нам за каждым углом мерещиться будут.

– Да ты послушай меня! – рассердилась Карина. – Он за два месяца ни разу днём на улицу не вышел. Никто не видел, чтобы он спускался в ресторан. Днём он всегда в номере. А убираться не даёт. Заставляет ночью приходить. Я там была пару раз. Никаких следов, личных вещей, ничего. Как призрак.

– Какой номер-то?

– 213.

– Ну и что? Может, он сова и днём спит, вот и требует, чтобы его не беспокоили. А может, он преступник и скрывается от полиции?

– Неправда! Ты его не видела, чтобы такое говорить!

– А ты много видела преступников?

– Он не преступник! Потому что он вампир. Хоть раз меня послушай и поверь!

Маша подозрительно взгляделась в лицо Карины, нахмурилась, помолчала несколько секунд и, наконец, важно изрекла:

– Ты втюрилась. В постояльца. Поэтому он тебе вампиром кажется.

– Да у тебя вообще в голове только это! Слово-то какое нашла мерзкое – втюрилась. Ничего подобного. Просто встретить в нашем городе вампира – неожиданно.

– Ну-ну... Неожиданно, – передразнила Маша. – Скажи ещё, что он тебя интересуется с познавательной точки зрения.

Карина задумалась. Взгляд её стал мечтательным.

– Если бы он меня с собой позвал – уехала бы, даже не задумалась.

– И мать бросила бы?

– Да мать меня не бросила только потому, что я ей деньги на бутылку каждый день таскаю лет с пяти! Как же мне это всё обрыдло! – взгляд

девушки упал на часы. – Всё. Баста. Смена началась. Пошли дружить со швабрами и тряпками.

Три заветные цифры на тёмной двери тускло поблескивали золотом. Третий раз заходила Карина в эту комнату, затаив дыхание и изо всех сил стараясь преодолеть дрожь. Загадочного хозяина двести тринадцатого номера она почти не видела, только пару раз мельком в коридоре, хотя старательно подкарауливала его, порой даже в ущерб своим прямым обязанностям.

Наскоро прибравшись и пропылесосив, девушка не выдержала и полезла в шкаф. Потом в тумбочку. Снова нигде никаких личных вещей. Почти отчаявшись, заглянула под кровать и с замиранием сердца обнаружила небольшой чемоданчик, нечто среднее между саквояжем и дипломатом. Безумно дорогая вещь, обтянутая кожей рептилии. Карина никогда не видела ничего подобного. Естественно, чемодан был закрыт.

Если бы девушку спросили, что она ожидает там найти: запас донорской крови или чёрный шёлковый плащ, она вряд ли смогла бы чётко ответить. Какая-то неведомая могущественная сила, не любопытство и не алчность, заставляла её вновь и вновь нажимать на кнопки кодового замка. Времени она не замечала. Из ступора девушку вывел короткий щелчок. Саквояж открылся.

На алом бархате, как на витрине в музее, лежали потрясающе красивые предметы из неизвестного металла. Сначала Карина только восхищённо их рассматривала, и лишь через несколько минут сообразила, что видит перед собой оружие. Несколько сверкающих небольших звёздочек с острыми лучами. Кажется, их называют сюрикены, вспомнила девушка. Великолепный кинжал с ручкой в виде дракона. И тонкая удавка из проволоки с двумя костяными ручками на концах.

Деликатное покашливание за спиной прервало процесс созерцания. Вернулся хозяин загадочного чемодана. Карина так испугалась, что первые мгновения не могла даже пошевелиться. Потом неловко повернулась и осталась сидеть, скрючившись возле кровати и боясь поднять глаза. Повисла тишина. Наконец, девушка неуклюже встала и, бормоча извинения, попыталась выскользнуть из номера, но высокая фигура загородила выход.

– Стоять! – рявкнул низкий голос и уже тише добавил: – Хотя зачем стоять? Садись. Поговорим.

Сообразив, что хуже уже не будет, так и так её либо съедят, либо уволят с работы, Карина послушно села в предложенное кресло. Незнакомец устроился в таком же кресле напротив и беззастенчиво её разглядывал. Их разделял маленький кофейный столик, инкрустированный перламутром.

– Ну и зачем ты туда полезла? Украсть хотела? Глупо. Продать всё равно бы не смогла. За такие игрушки убьют в два счёта...

– Нет! – жаркая волна чего-то более мучительного, чем стыд, затопила чувства Карины, и даже страх отступил. – Я ничего бы не взяла! Я не воровка!

– А кто тогда? – мужчина говорил спокойно, но в голосе чувствовалась настроенность и скрытая тревога.

Девушка отчаянно посмотрела прямо в тёмные глаза и выпалила:

– Я знаю, кто ты! – и жалобно добавила: – Но никому не скажу.

В глазах напротив зажглись понимание и досада.

– Чего ты хочешь... за молчание?

– Ничего, – пролепетала в замешательстве Карина. – Мне ничего не нужно... – она помолчала секунду и почти шепотом умоляюще закончила.
– Только поговорить.

Теперь собеседник глядел на неё с безграничным изумлением. Он как будто не сразу нашёлся, что сказать в ответ.

– Поговорить? Насчёт поговорить меня ещё ни разу не шантажировали...

– Я?! – Карина чуть не плакала. – Я не шантажирую. Я спросить хотела. Только спросить... Можно, я пойду? – и она попыталась встать.

– Сидеть!.. – снова повисло молчание. – Спрашивай.

Карина мучительно пыталась вспомнить всё то, о чём хотела спросить этого странного человека, если представится такая возможность. Возможность представилась, но сердце бунтовало, и слова просто не шли с языка. Когда все границы приличия уже были оставлены далеко позади, она всё-таки смогла выдать из себя несколько слов, пылая от смущения:

– Я хотела спросить, как ты живёшь? Тебе очень трудно жить?

Изумление в глазах мужчины достигло предела:

– Трудно? В каком смысле? Что ты обо мне знаешь?

– Трудно это... пить кровь?

– Что-о? Как это? Что это всё значит? Кто ты вообще такая!? – он всё-таки вышел из себя.

– Я знаю, кто ты на самом деле! Я знаю, что ты вампир! – выпалила девушка.

Предполагаемый вампир так и замер на полуслове, ошарашено на неё глядя, словно не зная, сердиться или смеяться.

– Вампир? – он произнёс это слово, точно пробуя его на вкус. Приснул со смеху, но в один миг снова стал серьёзным и подозрительным. Теперь он ещё с большим вниманием и какой-то злостью впился взглядом в лицо Карины и раздельно произнёс:

– Я не вампир. А ты быстро говори, кто тебя послал и чего от меня хотят.

Осознание своей чудовищной ошибки накрыло девушку с головой. Она смотрела на своего собеседника и видела, что нет в его облике ничего вампирского и загадочного. Красивый мужчина в хорошей физической форме. Ничего особенного. Но осталось что-то в его глазах, ради чего Карина по-прежнему готова была бежать за ним на край света по первому его слову. А он всё ещё требовал ответа.

– Меня никто не посылал. Я просто полная идиотка. Подумала всерьёз, что ты вампир. Но кто ты такой тогда? Это оружие, – она кивнула на дипломат, всё ещё раскрытый и сверкающий сокровищами. – Ты куда не выходишь днём... Не появляешься на людях... Нет... Не может быть. Ты киллер, – Карина даже не успела остановить себя. Чудовищная

догадка вырвалась на свободу и оглушила её. Страх больше не было. Слезы медленно потекли из глаз, лицо напротив, бесконечно дорогое и близкое, расплылось мутным пятном.

Мужчина молчал, не находя слов. Наконец спросил, и голос был неожиданно хриплым:

– Почему ты плачешь?

– Я думала, что ты вампир, а ты просто... людей губишь.

– О логика и здравый смысл, зачем же вы оставили меня! – он нервно заходил по комнате. Остановился около кровати, взял в руки кинжал, покрутил в пальцах и положил обратно. Решительно подошёл к девушке:

– Послушай меня, девочка. Ты сама понимаешь, что ты говоришь? Да. Я киллер, а не вампир. Но вампиры тоже губят людей... То есть, губили бы, если бы были на самом деле. Но вампиров нет. Тебе нужно читать поменьше сказок. Но дело не в этом. Почему ты плачешь, решив, что я киллер, когда к вампиру у тебя не было никаких претензий?

– Они есть! – всхлинула Карина. – И они несчастны. Это их природа – пить кровь людей. И с этим ничего не поделаешь. А ты! – она выпрямилась во весь рост, глаза сверкали. – Ты просто убиваешь за деньги!

В этом крике она лишилась последних сил и опустила в кресло, закрыв лицо руками, в слезах ища спасения и утешения. Карина не слышала, как тихо щёлкнул замок чемодана, не слышала и осторожных удаляющихся шагов.

Прошло три дня. Небо цвета индиго, подсвеченное оранжевыми фонарями, висело низко-низко над городом. Приветливо мерцали огни гостиницы. Горела настольная лампа в подсобном помещении. Маша листала модный журнал. Карина читала книжку.

– Ну как там твой вампир? Ещё не умер от жажды?

– Он уехал.

– Да? Уже? Ты жалеешь?

– Я говорила с ним. Он любит меня. Поэтому и уехал. Иначе пришлось бы меня убить. Вампиры не могут быть с людьми. Это тебе не фильм «Сумерки».

Неспящая

Это был сон. Один из тех снов, от которых остается устойчивое настроение на весь день, хотя подробности забываются сразу же после пробуждения. На этот раз меня несколько дней не покидало ощущение утраты. Было почти физически больно. И хотя дни эти ничем не отличались от других в худшую сторону, сознание всё время словно ходило по замкнутому кругу, и от этого реальность казалось немного подёрнутой туманом. Я ездила на работу, улыбалась, здоровалась, с аппетитом ела и вполне адекватно отвечала на вопросы, но стоило оказаться вечером в своей

постели, как тоска возвращалась. Я жаждала всей душой снова оказаться в том сне, но желанный образ постоянно ускользал, и вся ночь проходила в блужданиях по каким-то подземным лабиринтам и заброшенным зданиям. Потом опять были вспышки неземного покоя и счастья, которые я вновь обретала во сне. И в очередной раз погружалась в пучину депрессии, как только серый рассвет вторгался в мою истосковавшуюся душу.

Так продолжалось до тех пор, пока любимая подруга во время наших еженедельных посиделок в кафе не перестала ходить кругами и не поставила вопрос ребром: или я всё ей рассказываю, или мы больше не подруги. В другой раз я бы возмутилась таким грубым вторжением в личное пространство, но сейчас и сама уже давно хотела с кем-то поделиться, потому что уже начала немного опасаться за сохранность своего рассудка.

– Знаешь, Ларис, я кого-то люблю, – бросилась я в омут, уже по пути сообразив, как абсурдно звучит эта фраза. Но Лариса на то и носила звание лучшей подруги, чтобы не смущаться и не смеяться, когда не следует.

– И этот кто-то, как я понимаю, не Олег? – многозначительно спросила она, слегка приподняв одну бровь.

– Нет. Всё совсем не так. Даже не знаю, как сказать. У нас всё по-прежнему. Моя дражайшая половина всё так же жив, здоров и в меру упитан. И говорит, что любит в перерывах между скандалами, которые я ему закатываю.

– Тогда в чём дело?

– Но я действительно недавно поняла, что я кого-то люблю... И он не из этого мира... Только не думай, пожалуйста, что я сошла с ума. Потому что я сама уже начинаю так думать.

– Она как... Ну, давай с самого начала и поподробнее.

– Это началось неделю назад, но я вспомнила, что было и раньше. Эти сны. Я словно нахожусь рядом с кем-то, кто мне настолько близок и дорог, как никто и никогда не был здесь, в настоящей жизни. Он иногда принимал обличья знакомых, но это совершенно не имеет значения. Я до сих пор не знаю, как он выглядит, это и не важно. Главное, что, когда просыпаюсь, чувствую себя настолько одинокой, подавленной и потерянной, как будто у меня действительно отняли самое ценное и дорогое. Когда я с ним, во сне, то это чувство полной гармонии, тепла, близости, когда не нужны совсем никакие слова, нет никаких сомнений, тревог и ревности, нет даже тени мысли, что это всё мираж. Как будто обретаю себя в совершенной полноте, как будто оказываюсь в раю. Не знаю, какими словами об этом рассказать, но если бы меня попросили представить рай, какой бы я хотела, я бы сразу вспомнила этот сон.

Я спряталась за кофейной кружкой, сердце стучало где-то в горле, а внутренняя дрожь была такой сильной, что, казалось, вот-вот зубы застучат. Но подруга, как будто не заметив моего неадекватного состояния, задумчиво вертела ложечку в руках:

– Значит, ты всё это себе придумала из-за одного сна?

– Не из-за одного. Он снился мне и раньше. Но я забывала. А теперь не хочу больше забывать.

– Мне кажется, тебе стоит серьёзно поговорить с мужем. Вдруг ты встретишь завтра этого своего принца из сна.

– Да причём Олег-то? И как я об этом расскажу, ты вообще представляешь? И здесь я никого точно не встречу. Я уже видела здесь всякое, и ничего хорошего это мне не принесло. Он точно не из этого мира, и единственная возможность быть рядом – это поймать снова тот сон.

– Ну и что ты видела? У тебя и отношений никаких ни с кем толком не было до замужества. А потом – дети, работа, родители, дача.

– Неправда. Ты же знаешь, что были те, в кого я влюблялась безответно ещё в школе.

Лариса фыркнула, потом устыдилась и лишь грустно покачала головой. Но я продолжала, меня уже просто несло:

– Были те, с которыми я дружила и дружу до сих пор, с мужчинами вообще дружить намного легче, они простые и конкретные. Но такого со мной точно никогда не было. Даже в самой первой любви я не чувствовала того соединения душ, о котором пишут в романах и показывают кино. Знаешь, я просто не смогла бы определить, где я, а где он. Как одно целое. И слова совсем не нужны. Можно слышать мысли. Или даже не мысли, просто такое счастье накатывает волнами, что понимаешь – больше ничего не нужно и никто не нужен. Никогда. А теперь я чувствую, как будто меня разрезали на две части, разделили и бросили здесь. Нет. Не так. Даже объяснить не могу, насколько мне без него плохо. Всё ещё хуже.

– Может, тебе к психологу сходить? – осторожно спросила Лариса. – Если бы предмет твоей... мм... страсти?

– Это не страсть! – возмутилась я, уже жалея, что вообще ввязалась в этот разговор.

– Хорошо, не страсть. Идеальная любовь? Так лучше? Так вот. Если бы этот предмет работал с тобой в одном отделе, или подарил тебе жёлтые цветы весенним днём, встретив на улице, или ещё где-нибудь был, – то с твоим патологическим отсутствием романтики в жизни всё было бы понятно. Но – ты же не можешь мне его показать?

Я понимала справедливость её слов, но легче от этого не стало. Ларисе и самой стало как будто неловко, и она сама перевела разговор на другую тему.

Это снова был сон, тот самый, но что-то в нём изменилось. Я чувствовала, что мой возлюбленный здесь, рядом, даже видела его, но он не обращал на меня никакого внимания, словно не узнавал. Я снова была школьницей, и он был юношей из параллельного класса, но глаза его были очень древними и печальными. Спускалась по пустынной лестнице родной средней школы и слышала за спиной его шаги. Сердце мучительно сжималось: «Почему он не узнаёт меня? Что же мне сделать?» И сделала самое безумное, на что никогда бы не отважилась в

жизни: схватилась за сердце и карикатурно медленно упала в обморок. Успела почувствовать, как он поднимает меня, в момент прикосновения душа моя затрепетала, казалось, сейчас должно что-то произойти – и всё пропало. Ночь, знакомые очертания мебели, освещённый розовым фонарём проём окна, прикрытый полупрозрачной шторой, мучительная жажда во рту и ещё более мучительная боль и досада в сердце.

Лежащий на другой стороне кровати человек даже не проснулся, хотя я старалась плакать достаточно громко. Отношения мои с мужем не то чтобы испортились, а как будто истончились. Если раньше я чувствовала любовь, обиду, ревность, ненависть, надежду и вновь разочарование – именно в такой последовательности, то сейчас всё стало настолько скучно и однообразно, что абсолютно не хотелось ни ругаться, ни выслушивать слова раскаяния. И самое досадное, что по-настоящему обвинить его было не в чем. Можно ли всерьёз обвинять человека в том, что он дубина стоеросовая?

Дети раздражали невыносимо. Близнецы как будто чувствовали моё состояние и вцеплялись в меня мёртвой хваткой. А я... я ничего не могла им дать, кроме как одеть, накормить и отправить ночевать к бабушке, потому что душой всё время рвалась куда-то в другое, более счастливое место. Знать бы ещё, где оно...

На почве моей одержимости сном спать я почти перестала. Пила успокоительные, но без толку. Потом перешла на снотворное. Это помогало, но ненадолго. От безысходности начала читать о других мирах. Читала всё: эзотерику, фантастику, мистику. Когда Лариса ещё раз деликатно намекнула о том, что хорошо бы всё-таки посетить врача, я разругалась с ней окончательно. Так прошло два месяца.

Этот рассвет был не серым, а золотисто-голубым. Я проснулась оттого, что очень замёрзла, и обнаружила себя сидящей на лавочке в парке. Самое страшное, что в голове не было ни намёка на воспоминание, как я здесь очутилась. Стекло-синее небо над головой было грандиозно высоким, ветерок ласково касался зелёных листочков над моей головой, птички щебетали что-то торжественно-возмущённое. Место было мне хорошо знакомо, но я никогда не садилась именно на эту скамейку и уже, тем более, не имела привычки засыпать на улице. Паранойя всегда была моей сильной стороной, и у злоумышленников не было никаких шансов напасть на меня внезапно.

Мучительно пытаюсь вспомнить, за что же меня выгнали из дома или почему я сбежала оттуда, я побрела, растирая затёкшие руки и пытаюсь хотя бы немного согреться.

Мой дом оказался на своём месте, но почему-то был выкрашен не в жёлтый, а в розовый цвет. Ещё раз проверив адрес, я поднялась на третий этаж и обнаружила, что, хотя ключ по-прежнему лежит в кармане куртки, к этому замку он не подходит совершенно. Полностью дезориентированная, я вышла из дома и почти сразу столкнулась со своим мужем.

– Привет. Эй!

Он удивлённо на меня посмотрел, но всё-таки остановился.

– Вы что-то хотели?

– Олег! Что за шутки! Почему я не могу домой попасть?

В его глазах я увидела удивление и лёгкую досаду, но ни тени узнавания или понимания. Наконец он чётко и раздельно произнёс:

– Девушка, я понятия не имею, почему Вы не можете попасть домой, – и пошел в сторону нашего странного розового дома, на ходу вытаскивая ключи.

Осознание, что это не дурацкий розыгрыш, а что-то очень странное и очень нехорошее, накрыло меня внезапно. И тут же откуда-то пришли силы действовать. Я догнала свою вторую половину, взяла за локоть и почти силой развернула к себе лицом:

– Вы Олег Воронцов, Зелёная 23, кв. 14?

– Да... – не задумываясь, ответил муж. Что бы ещё у него спросить?

– А... А где Ваша жена?

– Какая жена? Девушка, отстаньте! Это розыгрыш какой-то? Я с ночной смены, спать хочу.

Я вглядывалась в этого человека, пытаюсь осознать свою или его ошибку, но ошибки не было: каждая морщинка возле глаз, поворот головы, линия рта – всё просто кричало о том, что передо мной человек, с которым я прожила последние семь лет моей глупой и неудавшейся жизни. Но он не играл, он действительно не знал меня никогда, потому что невозможно так спокойно и равнодушно смотреть на человека, который семь лет кушал твой мозг чайной ложечкой.

Я выпустила его руку. Помолчала.

– Так я пойду? – неуверенно спросил Олег.

– Подожди...те. Дайте мне одну минуту. И если я ни разу не ошибусь, то обещаю вас выслушать. Хорошо?

Не дождавшись ответа, я продолжила.

– Ты, – пусть будет «ты», и неважно, что он про меня подумает. – Ты никогда не закрываешь зубную пасту, когда чистишь зубы.

– Ну, – он начинал злиться, но старался этого не показать. Он всегда приходил с ночи голодный и злой.

– Ты любишь старые фильмы про восточные единоборства типа «Путь дракона», пьёшь тёмное пиво и ненавидишь чеснок.

– Это что, викторина?

– Потерпи. Это очень важно. Ещё у тебя в спальне висит картина Петрова-Водкина «Купание красного коня», а на тумбочке около кровати лежит том «Индийской философии», но ты его никогда не читаешь.

Теперь Олег казался откровенно удивлённым, озадаченным и даже немного испуганным.

– Кофе ты не пьёшь, у тебя давление от него скачет, совсем не ешь сладкого и терпеть не можешь салаты из сырых овощей.

– Ты следила за мной? – в голосе супруга появилось возмущение.

– Десять лет назад тебя бросила девушка, на которой ты хотел жениться, а твой лучший школьный друг утонул в реке на летних каникулах после первого курса института.

Возмущение на его лице сменилось полным замешательством.

– Теперь ты меня выслушаешь?

Когда через два часа я выходила из моего чужого дома, нерешённых вопросов было ещё больше. Олег внимательно выслушал меня и даже, кажется, в конце концов, поверил, но остаться не предложил, и я его вполне понимаю. Единственное, что я знала теперь наверняка: я попала в другой мир, параллельный или какой угодно ещё, неважно. И единственное отличие этого мира от моего – в нём не было меня. Ну, и незначительные моменты типа цвета домов или расположения мебели в квартире. И теперь я понимала, что нет смысла идти на работу или искать каких-то ещё друзей или знакомых, ту же Ларису, например. Потому что здесь никто никогда меня не знал. А Лариса, вероятно, здесь есть, и моя контора стоит, только вот я в ней никогда не работала.

Я шла мимо детской площадки, и вдруг что-то знакомое бросилось в глаза: две маленькие грязные фигурки копошились в песочнице. Я вцепилась руками в ближайшее дерево, когда узнала светлые головки моих девчонок-близнецов.

– Дашенька, Сонечка! Что вы тут одни делаете? – голос срывался, я нетвёрдыми шагами доковыляла до песочницы. Девочки посмотрели на меня одинаковыми моими глазами и молча отодвинулись.

– Что ты к моим детям пристаёшь? – раздался визгливый голос откуда-то сбоку. Ко мне подходила неопрятного вида женщина, явно пьяная и явно в самом дурном настроении. – Иди отсюда, злыдня! Ходят тут, детей воруют! Люди! – заголосила она.

Я поспешно отступила, на ходу оглядываясь на испуганных девочек, настороженно выглядывавших из-за противной тетки и шмыгавших носами.

Абсурд ситуации уже не укладывался даже в самые фантастические пределы самого широкого сознания. Они же мои дети! Моя кровь, мои гены! Как возможно, чтобы они родились в другом мире у кого-то другого. Ум допускал, что где-то могут, совершенно не зная меня, существовать мой муж, мои друзья, но мои дети... Этого не может быть, потому что так не бывает.

Яростно царапая себя в надежде проснуться, отчаянно зывая к Высшим Силам, глотая слёзы и спотыкаясь, я дошла до хорошо знакомого моста, где всегда любила гулять, и постепенно успокоилась. Присмотрелась к этому новому миру. Что-то здесь было не так. Цвета более яркие и резкие, но отчётливо видны только ближние предметы, вдалеке всё скрывает туманная дымка, но она не кажется здесь чем-то неестественным. И пахнет здесь осенью, хотя на вид весна в самом разгаре. И солнце светит приглушённо, хотя на небе ни облачка, как будто оно находится намного дальше, чем мы привыкли. И тишина, как будто нет здесь ничего и никого живого, никогда не было и не будет.

За всё это время вопрос о том, что мне делать дальше, даже не возникал в моей голове. И лишь теперь я осталась с этим вопросом наедине. Только вот мыслей никаких не было. Не получалось даже пожалеть себя, хотя именно это я всегда умела в совершенстве.

Тихий голос нарушил безмолвие.

– Тебе здесь нравится? – Он стоял передо мной как воплощённая мечта, и я, наконец-то, могла его разглядеть. Идеален. Совершенен. Сердце в груди рванулось так, что стало больно и в глазах на миг потемнело.

– Что это? – голос сорвался на шёпот, но он услышал и даже понял. Он всегда меня понимал, как никто другой.

– Это мой мир. Наш мир. Где мы будем счастливы. Ты же всегда этого хотела.

– Что? Так это ты забрал у меня всё? И даже не спросил, хочу ли я этого?

– А зачем спрашивать. Мы же всегда обходилась без этих глупых вопросов и ответов. Я знаю тебя. Я знаю твои мысли. Ты хотела избавления и свободы. Ты это получила. Никто не будет страдать. Они даже не заметят твоего отсутствия в их жизни. Разве не прекрасно.

Если есть в жизни самая страшная боль – то это сожаление о содеянном, когда ничего уже нельзя вернуть. И эта боль затопила меня от макушки до кончиков пальцев.

– Я! Я буду страдать! Мои дети не узнают меня! Они родились не у меня, а у какой-то алкоголички! Ты убил меня и говоришь, что это прекрасно! Верни всё обратно! Немедленно! – образ идеального мужчины смазался из-за набежавших слёз, и мои ноги отказались меня держать.

– Успокойся. Всё хорошо. Ты привыкнешь. Ты же хотела этого. Не отрицай. Это именно то, о чём ты не раз мечтала, – шептал мне безжизненный голос.

Я чувствовала его руки на своих плечах, и они жгли меня словно огнём. С отчаянием я увидела, как черты прекрасного лица поплыли и будто оплавилась от жара, а под ним проступила отвратительная злобная маска с чёрными провалами вместо глаз. Я закрычала.

Серый рассвет настойчиво вторгся в мой воспалённый мозг. Белые стены и потолок. На окне жалкая ветхая штора. Я повернула голову и ощутила сильную боль где-то за глазными яблоками. И голос:

– Она проснулась. Теперь всё точно будет хорошо.

Дальше неразборчивый шёпот. Мои родители о чём-то спорили с Олегом, стараясь меня не побеспокоить.

– Что случилось? – мой голос, как ни странно, звучал ясно и вполне адекватно.

Лицо мужа, склонившееся надо мной:

– Солнышко, ты перестаралась со снотворным на этот раз. Но больше такого не будет. Я прослежу.

Прошло много лет с тех пор. Мои близняшки заканчивают школу. Олег по-прежнему приходит с ночной смены голодный и немного злой. И я вряд ли могу сказать, что стала с тех пор идеальной матерью или абсолютно счастливым человеком. Мой мир остался таким же несовершенным. Но всё, чего я теперь хочу, – это забыть тот день, когда могла потерять всё безвозвратно.

Я больше не читаю книг о других мирах.

Письмо незнакомке

Я знаю, что это всё выглядит очень странно. Получить письмо без обратного адреса, да ещё и лично в руки. И Вы можете его выбросить, не читая, можете бегло проглядеть несколько строчек, можете показать знакомым и вместе с ними посмеяться над тем, какие сумасшедшие люди, оказывается, ходят по улицам. Вы можете также испугаться, поэтому спешу Вас успокоить. У меня нет даже тени намерения Вас преследовать или навязывать Вам своё общество. Единственное, о чём я Вас прошу, – прочитайте до конца это единственное в своём роде письмо. До самой последней строчки. А там выбор будет только за Вами.

Всю прошедшую ночь я мучительно думал, как написать Вам, какими словами, чтобы Вы поверили хоть на минуту, что всё написанное здесь – истинная правда. Как объяснить то, что не поддаётся никаким логическим объяснениям и в чём я сам разобрался до конца лишь вчера?

Единственный выход для меня – это поведать Вам свою историю с самого начала и надеяться на промысел и милость Того, Чей замысел обо мне я понял лишь теперь.

Уже двадцать лет прошло, а я помню каждую подробность тех удивительных событий, перевернувших всю мою жизнь. Мне было десять лет, когда погибли родители. Они были прекрасными людьми, добрыми, шумными, любили тратить всё, что зарабатывали, не заботясь о завтрашнем дне. Жизнь с ними была бесконечным праздником. И дело не только в том, что я получал всё, что хотел. Просто больше я не встречал таких жизнерадостных людей, весёлых, лёгких и никогда не унывающих. У меня не было с ними проблем. Впрочем, и у них со мной тоже. И вот ясным осенним вечером этот праздник закончился. Они не вернулись из ресторана. Пьяный отморозок на грузовике просто размазал их маленькую машину по бетонному забору.

Я остался один. Из маленького провинциального городка приехала бабка и забрала меня к себе. Я не буду утомлять Вас описанием моей безотрадной юности, скажу лишь, что бабка воспитала во мне веру в Бога. И глубочайшую ненависть к Нему. Бесконечные богослужения, одинаково тягостные как в посты, так и в праздники, заповеди и молитвы наизусть, многочасовые нравоучительные беседы после любой оплошности с моей стороны. Потрясённый смертью родителей, сначала я не мог сопротивляться,

потом не хотел. Бабка была непробиваемая, как бетонная стена, в которую врезалась машина моих мамы и отца. На любой случай у неё был готовый рецепт. Разбитая коленка и насморк объяснялись Промыслом Божиим, а малейшая попытка возразить ей каралась цитированием пятой заповеди.

Однажды я прямо заявил ей, что она мне не мать, поэтому, не почитая её, я не совершаю никакого греха. После этого она перестала со мной разговаривать. На целый месяц. Сначала я обрадовался, потом заскучал, потом испугался, мне было всего двенадцать лет тогда. Кончилось это тем, что я бился в истерике, вымаливая у неё прощение и хотя бы слово в ответ. Она сказала: «Бог простит, ты меня прости». И ушла на кухню пить чай. Больше я не пытался ей перечить.

А в пятнадцать лет я впервые влюбился. Надо ли пояснять, как больше всего я боялся, что она узнает об этом. И она, конечно, узнала. Последовала лекция о блуде, адских муках и дьяволе. Пока бабка проповедовала против меня, я старательно молчал, но когда начала последними словами поливать мою избранницу, я выскочил из дома, хлопнув дверью. И пошёл в храм. Самым удивительным было то, что сгорая от отчаяния и злобы, я ни разу не усомнился в том, что этот Бог действительно существует. Возможно, потому, что не мог представить себя умершим, несуществующим. С самого раннего детства я ощущал бессмертие своей души как объективную реальность, поэтому если есть бессмертное творение, то и Творец у него тоже должен быть. Элементарная логика.

И вот я пришёл в храм, чтобы всё высказать Ему. Горькой была эта молитва. Внешне спокойный, тихий и благочестивый, в душе я кричал Ему: «Ты знаешь всё и видишь, поэтому Тебе легко! А мне трудно! Я не знаю и не вижу Твоего Промысла! Ты отнял у меня самых родных, Ты отнял у меня спокойную жизнь и радость! Тебе легко там, с высоты своей святости и вседовольства смотреть на нас, несчастных бледных червей, копошащихся у Твоих ног. И как смеешь Ты после этого называться абсолютной Любовью? Как можно обрушивать на нас эту тяжкую ношу под названием жизнь и требовать исполнения законов, в которых мы не можем увидеть ни малейшего смысла?» Я много чего тогда наговорил Ему, такого же пафосного и глупого. Вернулся домой уже ночью, измученный и опустошённый.

На следующий день в школе всё и случилось. Гардеробщица Татьяна Ивановна улыбнулась, принимая у меня куртку, а я застыл перед ней, как громом поражённый. Я увидел, что она собирается утопить котят, которых ночью принесла ей кошка. Я видел, что она приходит домой, наливает в ведро воды и бросает туда маленькие серые комочки, а кошка отчаянно воеет и трётся об ноги своей хозяйки. Я видел, как тьма заполняет её душу, как что-то яркое и прекрасное уходит из её жизни. «Не надо, – закричал я Татьяне Ивановне, – не делайте этого! Оставьте их всех, не убивайте! У вас их разберут! Чёрный котёнок достанется маленькой девочке, и она будет любить его больше всех, потому что родители её не любят!» Татьяна Ивановна как-то дико посмотрела на меня, соображая, не ослышалась ли она. Я замолчал на полуслове и

бросился бежать по коридору, сгорая от стыда и пытаясь понять, что со мной только что было. Навстречу попадались люди, давно знакомые, но узнавал я их с большим трудом, потому что видел их как-то иначе, чем раньше. Я уже потом понял, что именно я вижу, а тогда метался, как загнанный за флажки волк. Директор, Павел Степанович, добрейший и умнейший человек, собирался ехать летом в Турцию по путевке, а жене сказать, что будет лечиться в санатории. Я видел, как он напивается в отеле до поросычьего состояния, в пьяном угаре идет купаться и тонет в море. Моя одноклассница думала о том, что должна пойти в больницу и убить своего нерождённого ребенка, потому что так хотят её мама и бабушка, чтобы никто не узнал, чтобы не портить жизнь.

Я видел человека и видел его выбор в этот момент. Это люди думают, что у них неограниченный выбор возможностей. На самом деле это не так. У них всегда только два варианта: или свет, или тьма. Но они не всегда видят, что принесёт тьму в их души. А я вижу. Вижу до сих пор. Мне исполнилось тридцать лет.

До сих пор удивляюсь, как меня тогда не сдали в психушку, после того «концерта по заявкам». Я пытался достучаться до них, но выглядело это всё на редкость глупо. Позвонили бабке. Она пришла, сказала, что это нервный срыв, и забрала меня домой. Через неделю я уже не бросался на встречающих, а старался прошмыгнуть мимо них, старательно отводя глаза, почти зажмурившись. Это не помогало. Каким-то неведомым зрением – как сканером – я чувствовал любого человека, рядом с которым находился. Я стал много времени проводить в храме. Там было больше света и чище мысли у людей. Но всё равно я невыносимо страдал. Теперь-то я знаю, почему, но тогда пребывал в полном унынии и отчаянии. Потому что ничего не мог изменить. Они сами делали этот выбор, а я видел, что по большей части люди выбирали зло, и это зло затапливало их, душило и ослепляло.

Тем временем жизнь шла своим чередом. Я окончил школу и стал более-менее привыкать к своей странной способности. Поступил в университет. Пытался казаться как все. Разумеется, даже в своих мечтах я не мог никому из друзей рассказать о том, что происходит со мной. Пытался рассказывать на исповеди: сначала мне сказали, что я одержим дьяволом, что нужно причащаться, и это пройдет. Я следовал любым советам. Ничего не помогало. Ездил по монастырям. Убедился, что и монахи тоже, как ни странно, постоянно находятся перед выбором, только выбор у них не такой явный и более сложный. Я успокоился, когда один очень старый священник, выслушав меня, сказал: «Не смущайся и не бойся. Делай добро по мере сил. Когда-нибудь Господь откроет тебе, зачем он послал тебе это всё». После этих слов я перестал искать способ исцелиться и попытался просто жить. Получалось плохо. Среди знакомых я приобрёл репутацию законченного циника и скептика. Окончил институт, нашёл работу. Отношения с людьми не складывались. Я не мог беззаботно веселиться на вечеринках и праздниках, потому что видел, как этот образ жизни разрушает моих знакомых и коллег. Видел, что моему соседу не нужно встречаться с девушкой из соседнего

отдела, потому что их отношения закончатся через год взаимной ненавистью и оскорблениями. Я пытался ему об этом сказать. Но разве он меня слушал?

А ещё, наблюдая за людьми, я заметил странную особенность. Даже совершив выбор, который вёл их прямо к смерти, они всё равно оставались перед выбором. Как будто светлый лучик, узкая тропинка к свету существовала всегда. Пока был жив человек, у него оставалась эта почти призрачная возможность повернуть обратно.

Однажды на улице я встретил преступника. Невзрачная одежда, щуплое тело, давно не мытые волосы, заношенный спортивный костюм. Волосы встали дыбом, когда я увидел его жизненный путь. Он шёл за худеньким подростком. Его выбор был очень простым: или он сейчас развернётся и пойдёт в другую сторону, или продолжит слежку, дожждётся удобного момента, затащит мальчишку в подвал и... Я не стал смотреть дальше, бросился вперёд, догнал ребёнка и начал ему что-то говорить о его родителях, о том, что его ждут дома, о Боге. Он удивлённо огрызался, но я не отставал, вцепившись в него, как клещ. Кажется, он принял меня за сектанта, потому что грязно выругался, сел в первый попавшийся автобус и уехал. Я оглянулся – мужчина в спортивном костюме озадаченно поглядел по сторонам и пошёл своей дорогой... искать следующую жертву.

Подобных случаев за прошедшие годы было немало. Но я не хвальнось этим. Каждый раз всё выходило ужасно глупо, и я чувствовал, что моё вмешательство в выбор людей – это лишь отсрочка, они не понимают, почему поступают так или иначе, их ведут импульсы, и чаще всего их намерения темны.

Хотя были и приятные моменты. На днях я встретил одинокую женщину, которая живёт в одной квартире со старой матерью и собирается от неё переехать в другой город, потому что не может больше терпеть постоянные придирки и старческое хамство. Но если она уедет, старуха умрёт через неделю, она споткнётся о провод, ударится головой об угол стола и не сможет доползти до телефона, чтобы позвать на помощь. Я видел, что, несмотря на обиды, женщина любит свою старую маму и не хочет уезжать, потому что беспокоится за неё. Нет. Вероятнее, что она всё же останется. От этого мне даже легче на душе.

Одно время я даже думал о том, чтобы стать кем-то вроде экстрасенса или целителя. Но и здесь проблема: нет никакой возможности доказать людям, что я не обманываю их. Даже если кто-то будет настолько доверчив, что послушает моего совета, это мало что изменит. Он решит одну задачу, перед ним сразу же встанет следующая, а вести кого-то всю жизнь за руку как слепого и указывать на ямы и канавы у него на пути – такая жизнь мне не по силам. Да никто бы и не согласился. Все предпочитают совершать собственные ошибки. И я ничем не могу им помочь.

Когда-то, пятнадцатилетнему, мне казалось, что достаточно всё видеть, всё понимать и знать, чтобы поступать правильно. И вот я вижу то, чего не может видеть ни один человек на свете, и этой муке нет конца.

А самое странное – я никогда не видел собственного выбора, куда он меня ведёт. Моя дорога до вчерашнего дня оставалась тёмной и неизвестной.

Сказать, что я раскаялся в своих опрометчивых словах – это ничего не сказать. Долгими ночами я молил Создателя забрать у меня этот странный дар или снять проклятье. Каждый вечер я бродил по улицам в надежде, что наконец-то пойму Его замысел обо мне или перестану ежеминутно видеть, как люди сознательно травят и губят всё лучшее в себе самих.

И вот вчера вечером, блуждая без цели по улицам, я увидел весёлую компанию, вышедшую только что из бара. Они отмечали чей-то день рождения. Одна из девушек посмотрела на меня. И в её глазах я уже привычно увидел выбор: на одной стороне этого выбора было беспросветное и не осознающее себя одиночество, а на другой – меня затопила волна света и тепла – я увидел целую картину: уютный большой дом, маленькая золотоволосая девочка играет в мяч, довольный карапуз обнимает за шею огромную собаку, косые лучи солнца освещают цветущий сад, в воздухе разлит аромат сирени и проснувшейся земли. Поражённый, я присмотрелся внимательнее, сердце как будто остановилось на миг, и я увидел там себя. Я увидел Ваш выбор, Ваше одиночество, Ваше смятение и это, ещё не написанное тогда письмо.

А теперь Вы должны решить, верить этому или нет. Завтра вечером я увижу этот выбор в Ваших глазах.

Ещё одна жертва...

Кровь так сильно стучала в висках, что не было слышно собственных шагов. Кристина мчалась на самый верх башни, и одна только мысль не давала покоя: а если ничего не получится... Небольшой коридор, двери комнат направо и налево, поворот, ещё один коридор и снова поворот. Все двери заперты, и никто не появится оттуда, не придёт на помощь.

Башня всегда стояла заброшенной, сколько её помнили обитатели городка. Даже прабабушка Кристины, Старейшая, не могла рассказать ничего определённого. Но на помощь девушка и не рассчитывала с самого начала своего безумного предприятия. Наоборот, лишние свидетели сейчас бы только помешали.

Ещё один поворот – и наконец-то спасительный тупик возле очередной запертой двери. Тело отказывалось выдерживать напряжение этой бешеной гонки ещё хоть минуту. Почему за спиной не слышно шагов? Неужели он всё-таки летает? В очередной раз нахлынула волна паники. Захотелось завывать от ужаса, и лишь воспоминания последних дней: как от случайного взгляда хотелось плакать без причины, как сидела ночи напролёт над позаимствованными без ведома прабабушки старинными трактатами, как впервые вспыхнула в сердце отчаянная надежда и стало понятно, что или будет так, как она решила, – или ничего

не нужно больше никогда, – лишь эти воспоминания не дали утонуть разуму и сердцу в беспомощном животном страхе.

Сейчас как никогда нужны силы. Как же просто всё казалось издалека. Хотя сердце всегда знало, что просто с ним быть не может. Почему он медлит? Что происходит? А если он просто выставит её за дверь и посмеётся? Эта мысль заставила девушку мучительно покраснеть. Если так, то всё напрасно. Бесплезны тогда все ухищрения и расчёты. Он просто в очередной раз снимется с места и умчится вдаль подобно перелётной птице. Кристина была уверена, что он уже не раз так делал. Сообщения о жертвах загадочной болезни будоражили общественность почти год, кумушки полгода судачили о странных привычках нового врачаветеля. Сколько ещё понадобится времени, чтобы первое связали со вторым? Как он не чувствует опасности? Мысли одна другой тревожнее бились вместе с кровью в висках.

Он появился, когда она уже устала бояться и даже подумывала выйти из своего укрытия. Неожиданно возник из-за угла, угрожающее рычание наполнило воздух таким напряжением, что Кристина не смогла удержать тихий крик. Он приблизился стремительно и бесшумно, как смерть. Девушка поняла, что рассчитала всё совершенно верно. Голод и луна лишили его обычного самоконтроля. Он не вышел на охоту лишь потому, что боялся потерять самообладание и убить человека. Но сейчас, застигнутый врасплох, он способен на всё. Ей не грозят насмешки, ей грозит гибель. Эта мгновенная мысль придала сил.

– Свет! – отчаянно закричала она и призвала магию. Вспышка получилась короткой и слабой. Вампир замер от неожиданности и отступил на шаг, прикрывая глаза ладонью. В наступившей через миг темноте снова раздалось рычание. Кристина повторила попытку, и ей удалось засветить не очень яркий, но ровный огонёк. Уже через две секунды стало ясно, что вампир не боится света и сейчас бросится на добычу. Он был бесподобно красив, каким и должен быть проклятый, но из глаз его на девушку глядело чудовище.

– Подожди! Подожди! Алан! Подожди! Остановись! Посмотри на меня! – крик получился хриплым и слабым. – Я сама, я дам тебе то, что тебе нужно. Прими жертву, я не убегу и не стану защищаться, я сама пришла...

Кристина бормотала почти бессвязные обрывки фраз, вытянув правую руку и делая шаг навстречу зверю. Свет погас. Она почувствовала, как ледяные пальцы осторожно охватывают кисть руки, как острые, словно иглы, клыки безошибочно находят тонкую вену. Только не кричать, только не сопротивляться, иначе всё напрасно...

Солнце ярко светило в окно, и тонкий луч уже давно гулял по подушке. Светлые шторы колыхались от сквозняка, со стены недовольно смотрел портрет юной прабабушки. Кристина резко села в постели, виски пронзила боль, но ещё большее отозвались в сердце воспоминания. На руке не было

никаких следов. Сон... Яркий, страшный, восхитительный сон. Девушка бессильно застонала, мгновенно приходя в отчаяние. Столько усилий, тревог, тоски и ужаса развеялись в пространстве ночным туманом.

Услышав стон, в комнату заглянула прабабушка. Поглядела строго и обиженно:

– Я сейчас не стану выяснять, где ты была полночи. Ограничусь вопросом, как ты себя чувствуешь.

– Голова... болит... Что-то произошло? – Сердце пропустило удар, потом стукнуло так, что, казалось, должно быть слышно на всю комнату.

– Ты обещала мне, что не пойдёшь одна после праздника. На тебя напал вампир. Хорошо, господин врачеватель оказался рядом и отогнал монстра. А наши старые перечницы его самого чуть в вампиры не записали. Вполне приличный молодой человек. Он доставил тебя домой в бессознательном состоянии. Сказал, что ты была сильно напугана, но крови почти не потеряла, в отличие от других жертв. Тебе очень крупно повезло, хотя, по моему мнению, такая безрассудная девушка как ты не заслуживает подобной благосклонности судьбы. А ещё я давно хотела тебе сказать...

– Где он!? – смысл сказанного с трудом доходил сознания Кристины.

– Кто? – прабабушка не привыкла, чтобы её перебивали.

– А... господин врачеватель... – правнучка мучительно покраснела, чем вызывала ещё один внимательный и придиричивый взгляд строгой наставницы.

Старейшая выдержала длинную мучительную паузу и, наконец, милостиво изрекла:

– Господин Алан сказал, что зайдёт позже. Он обещал понаблюдать за твоим состоянием и заверил, что всё будет в порядке. Но у тебя ещё есть время подумать о своём поведении и принести своей семье, то есть мне, самые глубокие и искренние извинения, если ты, конечно, способна на это, в чём лично я уже давно сомневаюсь...

Алан выглядел странно. Он казался тяжело больным, у которого недавно миновал кризис. И одновременно что-то новое и странное появилось в светлых глазах. Пару минут мило поболтав с прабабушкой, рассыпавшись в комплиментах и скромно отклонив все благодарности за спасение «строптивой девчонки, которая совсем не думает о своих близких», он предельно вежливо, но не менее твёрдо выпроводил строгую даму из комнаты под предлогом осмотра больной и повернулся к Кристине.

Лучше бы он этого не делал. Мучительная жаркая волна крови залила лоб, щёки и даже уши девушки. Опустив глаза, она начала старательно поправлять волосы, потому что могла со многим смириться в своей внешности, но только не с красными ушами.

– Рассказывай, что ты там делала, – довольно холодно потребовал врачеватель.

– Я не понимаю... – пролепетала Кристина, мгновенно побледнев.

– Нет, ты всё прекрасно понимаешь и сейчас всё расскажешь...
Ведьма.

– А прабабушка?

– Она не услышит ничего, хотя очень старается. Говори.

Казалось, солнце померкло, и холод ощутимо сгустился в комнате. Эти нападки были настолько неожиданными, настолько обидными, что все ночные страхи побледнели по сравнению с новым потрясением. Кристине казалось, что если ей посчастливится воплотить в жизнь свои самые безумные мечты, то уж никакие объяснения и оправдания точно не потребуются, всё сразу станет просто и понятно, ни вопросов, ни сомнений. Слезы затопили глаза, и, как Кристина ни старалась их удерживать, из уголка глаза предательски просочилась горькая капелька.

Боль и злость заставили девушку упрямо качнуть головой.

– Я не на допросе и не обязана ничего объяснять.

– А если я расскажу всем, где ты была ночью?

– Тогда тебе придется рассказать, где ты был ночью и что делал.

– Ты понимаешь вообще, что ты натворила? Ты понимаешь, что могло произойти? За кого ты меня принимаешь? За всю жизнь я убил только одного человека, и то – случайно! Я из дома никогда не выходил в полнолуние, чтобы не дело не дошло до беды! Зачем ты явилась? Маленькие девочки поспорили, кто не побоится пойти в старую башню в полночь? Как это всё понимать?

Он говорил негромко, но от этого становилось ещё хуже, лучше бы орал на весь дом. Кристина сделала то, что всегда делала, будучи маленькой девочкой, когда её ругали, – просто отвернулась к стене. Никогда не нужно показывать свою боль и стыд, это никому не интересно. Важно то, что ты делаешь, а не то, насколько глубоки твои сожаления о содеянном. Эту истину прабабушка донесла до девочки довольно рано. Впрочем, сейчас Кристина ни о чём не сожалела.

Алан раздражённо мерил шагами комнату и молчал. Присел на край кровати, устало потёр длинными пальцами виски и сказал уже совсем другим тоном:

– Кристина. Мне нужно знать, что произошло. Это всё было слишком... фантастично. Я ничего не понимаю и не знаю, чего мне теперь ждать от себя самого.

– Тогда расскажи мне, что было, когда я потеряла сознание.

– Мне было очень страшно чувствовать, как теряю над собой контроль. Потом я увидел протянутую руку и, кроме жажды, в сознании не осталось ничего. Но уже после первого глотка крови разум прояснился и жажда прошла совершенно. Такого не было раньше. И ты знаешь, почему это. Не пытайся притворяться, что случайно забрела на огонёк.

– Сначала скажи, что было потом? – потребовала девушка.

Вампир раздражённо поморщился.

– Да ничего потом не было. Я залечил раны, как делал это всегда, навёл на тебя магический сон и доставил домой. Ну?? Скажешь теперь или может мне на колени встать?? Клятву верности принести??

– Да не надо никаких клятв. Твоя сущность заменяет все клятвы. Что же Вам сказать, господин врачеватель? Всё так, как и должно быть. Я прочитала об этой теории в одном старинном трактате. Добровольная жертва не даёт совершиться злу. Я сама отдала тебе кровь, и это была совсем другая кровь, без смертного страха и ненависти. Она не вылечила тебя, не сняла проклятия, но теперь ты сможешь жить совсем иначе, без постоянного мучительного голода, без потери себя, без страха быть разоблачённым. Единственное, что нужно будет время от времени, – это добровольная жертва.

– Всего лишь?? Ты издеваешься? И кто в здравом уме на такое согласится?

– Я!! Я соглашусь!! Ты совсем ничего не понял??

Вампир надолго задумался. Кристина ждала его следующих слов как приговора. Но он неожиданно спросил:

– И тебе не было страшно? Совсем?

– Ты же знаешь, что было. Было очень страшно, но я знала, что ты никого из них не убиваешь, как другие. Что берёшь столько крови, сколько можно взять, оставляя человека обессиленным, больным на некоторое время, но живым. А потом стираешь память и сам же лечишь свою жертву от загадочной болезни, о которой уже целый год судачат все местные сплетницы. Это забавно и грустно.

– Забавно и грустно??? Да что ты понимаешь о моей жизни??? Забавно и грустно??? Теорию старинную проверить захотелось??? А меня спросить забыла??? Может, я не хочу быть подопытной крысой для проверки всяких теорий!!! Ты не могла сказать мне обо всём раньше???

– И как бы это выглядело??? Приходит некая особа и заявляет: «Господин врачеватель, я знаю, что вы вампир!!!» Да тебя бы на следующий день в городе не было!!!

– А ещё я просто не могла ничего сказать, – уже спокойнее продолжила девушка. – Это необходимое условие, что... ну... вампир ничего не должен знать заранее... Это нужно делать именно в полнолуние, когда голод сильнее всего. Максимальная опасность, иначе в жертве нет никакого смысла. Ведь существовала вероятность, что ты убьёшь меня раньше, чем я успею заговорить.

– Вот именно! Ещё какая вероятность... А ты не думала, что этот твой трактат – бредни сумасшедшего мага? Что может ничего не получиться, что ты просто погибнешь? Вот ты вообще думала головой, когда решалась на подобное? Как тебя понять?

– Я думала, но не головой, а сердцем...

Повисло молчание... Кристина на секунду зажмурилась, набрала в грудь побольше воздуха и бросилась в омут. Подчеркнуто медленно, спокойно и вежливо, будто на светском приёме, она произнесла:

– А ещё мне давно хочется Вас спросить, господин врачеватель. В тех местах, откуда Вы родом, девушки всегда должны признаваться в любви первыми?

Тиканье настенных часов отмеряло мучительные секунды. Так всегда бывает, когда двое боятся посмотреть друг другу в глаза. Но это проходит. Наконец Алан нашел в себе силы ответить. Так же вежливо и спокойно.

– Нет. Обычаи моей земли ничем не отличаются от ваших традиций. Но я вампир, и всё у меня не так, как у людей. Я очень надеюсь, что ты скоро привыкнешь.

Путешествие, или Странный сон

Я выхожу за ограду и спускаюсь по смутно виднеющейся тропинке к реке. Туман клубится над свинцовой водой, мешая увидеть очертания тёмного леса на другом берегу. Тропинка уводит меня в глухие заросли. Сколько времени проходит, я не знаю, но чувствую, что иду так уже очень долго. Страх нет, но сизые сумерки вокруг и одиночество вызывают в душе тоску и тревогу. Как будто пытаешься вспомнить что-то давно оставленное в другом, более счастливым времени и от этого воспоминания зависит вся дальнейшая жизнь.

Наконец дорога приводит меня в какое-то маленькое поселение. В центре выжженной солнцем поляны стоит жертвенник, несколько домиков разбросаны вокруг. Закатное солнце освещает розовые камни сложенного в центре небольшой площадки очага.

Я вижу молодую девушку, черноволосую и худенькую, и в то же время вижу её глазами покрытую лесом и освещённую косыми солнечными лучами гору. Голые проплешины скал, как будто угрожая, нависли над хрупкими хижинами. Я жду, когда наконец-то увижу его, и в сердце моём тоска, которой нет выхода.

Он появляется внезапно, и чёрная тень как будто накрывает его высокую фигуру, не позволяя разглядеть одежду и лицо. Справа от него идёт загорелая женщина с волосами цвета спелой пшеницы. Я знаю её. Это жена нашего жреца. Она смотрит на своего спутника страстным распалённым взглядом, и эта наглая животная похоть, эта дерзость, с которой она пожирает его своими светлыми глазами, разрывает моё сердце изнутри. Она оставила свой очаг и семью, она клятвопреступница. Но почему он позволяет ей идти рядом? Почему не замечает меня?

Мои ноги как будто приросли к этому месту, а всё существо наполнено таким неизбывным горем, которое можно сравнить лишь с каменной плитой, придавившей тело осуждённого на средневековую пытку.

Мужчина и женщина поравнялись со мной и остановились. Я смотрю на своего избранника и по-прежнему не могу разглядеть черты его лица. Возможно, это потому, что слёзы мешают мне увидеть его...

Мутная ночь окутывает меня со всех сторон. Стоит мёртвая тишина, и промокшие от росы ветви кустов касаются моих рук, когда я осторожно пробираюсь между ними к берегу реки. Я вдыхаю тёплый воздух, наполненный ожиданием величественного и страшного будущего. Сердце трепещет, я вглядываюсь в тускло-серую мглу и вижу смутно знакомые очертания бедных хижин и каменного очага на поляне. Слева, в белесом тумане, угадывается шум реки. Предрассветная тоска заставляет эту томительную ночь продлиться ещё на целую вечность.

Я вижу одинокую фигуру, притаившуюся у подножия скалы, я снова вижу чужими глазами, и мир взрывается болью, в которой слились воедино горечь разлуки, ядовитая ревность и страх от осознания полной потери себя.

Я медленно отрываюсь от скалы, которая уже довольно долго служила мне и опорой, и защитой. Прислушиваясь и приглядываясь, крадусь туда, где мне явно не следует находиться.

Я вижу их около реки. Мужчина стоит на коленях, склонившись над женщиной, которая уже несколько минут мертва. Сейчас она стала почти красива, и мне почти её жаль. Подхожу, совершенно не таясь и ни на что уже не надеясь. Он поворачивает голову, и снова тень падает на лицо. Встаёт и двигается ко мне бесшумно и неспешно. Его голос, страшный и чарующий, заставляет моё сердце остановиться на миг.

– И ты тоже? Прости, я не хотел, чтобы и ты пострадала, хотя страдать ты не будешь, обещаю. Но ничего уже не изменить. Так уж устроена природа. Всё рождается и умирает.

– И я умру? – мгновенная догадка, паника, отчаяние и возмущение слились в моей душе в бешеный водоворот, который вот-вот затопит остатки разума.

– Да. Мне придётся убить тебя.

– Так же, как её, – киваю на труп у его ног.

– Нет. Так некрасиво. Тебе будет хорошо. Ты даже не заметишь, что умерла. Подойди ко мне.

– Но это неправильно. Ведь мне не нужно от тебя ничего. Даже того, что нужно было ей. Я хочу только быть рядом. Как сейчас.

– Это невозможно.

Он делает шаг мне навстречу.

– Возьми меня к себе, и это станет возможным. Я не помешаю тебе, честное слово.

Я всё ещё не вижу лица моего странного собеседника, но чувствую, что он улыбнулся:

– Я путешественник. Мне некуда взять тебя.

– Тогда возьми меня в путешествие, – мне всё равно, что он убьёт меня и как именно убьёт, но какие-то нити, связывающие сознание с телом, рвутся от одной мысли о том, что я больше его не увижу, не смогу ощутить присутствие. Кажется, я начинаю плакать.

– Глупая. Ты не понимаешь, чего просишь. Ты же сама возненавидишь меня, если соглашусь. Ты хочешь разделить со мной эту жизнь? – он указывает на смутно светящееся в сумерках тело. – Ты хочешь стать такой же?

– Мне всё равно.

Он приближается ещё на шаг. Моё отчаяние становится огромным, как море, и я тону в нём, пытаюсь удержаться, цепляясь угасающим сознанием за слово «если»... Если он согласится...

Меня окружает плотная белая пелена тумана. Слышно, как падают с кустов капельки росы. Громкое рычание за спиной заставляет меня обернуться. Это волк, огромный и отвратительный. Почему я всегда считала волков прекрасными? Он бросается на меня, оскалив зубы, но не кусает, а будто гонит, толкает куда-то. Поворачиваюсь к нему спиной и иду по еле заметной тропинке, замирая от мысли, что в любую минуту клыки зверя вопьются мне в горло. Иду медленно, стараясь не показывать ужас, к уже знакомому месту.

Зверь отстаёт или очень тихо крадётся следом, я не знаю, потому что боюсь посмотреть назад. Впереди расступается туман, открывая мне причудливую и грозную картину. На берегу реки, прямо на пожелтевшей и покрытой капельками росы траве лежит тело женщины с волосами цвета спелой пшеницы. Волк появился откуда-то слева, внимательно посмотрел мне в глаза и пошёл прочь.

Я осталась в одиночестве, задавая себе один и тот же вопрос, до тех пор, пока не проснулась окончательно. Куда они ушли?

История одной любви...

Зима

Какая очаровательная банальность... Какое восхитительное мешанство... Ездить вечером тридцать первого по магазинам, покупать праздничный торт, вешать новые шторы, наряжать ёлку красными сердечками и золотыми шарами, ставить на стол мандарины в вазе и оливье в тазике, загадывать желание под бой часов, смотреть в родные глаза и вспоминать времена, когда ничего этого не было... А потом ночь, переходящая в утро ближе к обеду... Найти под ёлкой подарки, выпить кофе со сливками, увидеть новый, особенно прозрачный и чистый солнечный свет, успокоить сердце надеждой на новое счастье... Ведь не так уж и важно, будет оно, это счастье, или нет... Надежда важнее...

Весна

Кто-то умный сказал: счастье – это когда все дома и все спят. И вот все дома и все спят, а счастья почему-то нет. Наверное, счастье приходит ночью. Но оно приходит только к тем, кто не спит. Поэтому я не сплю. Жду – когда оно придёт, моё Счастье. Иногда за дверью слышны шаги.

Но это соседи поздно возвращаются домой. Иногда ветер шумит в кронах деревьев и стучит по стёклам дождь. Ворчит во сне собака. И глаза начинают закрываться. Но спать нельзя. Вдруг Счастье придёт, увидит, что я сплю, и уйдёт обратно... Нельзя... заснуть...

Лето

Ненависть, которая жжётся, это не беда... Беда, когда человек рядом с тобой не холоден и не горяч, и всё, что испытываешь к нему, – виноватая жалость и какое-то брезгливое сочувствие, мол, он тоже человек, он тоже страдает... И тайное внутреннее напряжение растёт изо дня в день, нервы натянуты до предела и звенят, как струны... Что-то должно случиться?... Должно... Так не может быть всегда... Но ведь может быть ещё хуже... Всегда может быть хуже... В этом вечная жажда и страх перемен обретают хрупкое равновесие, и равновесие это держится на моих натянутых до невыносимой боли нервах... Лучше быть не может... Только хуже... Пусть уже будет так, как сейчас... только бы нервы выдержали... Только бы ничего не случилось... Ну, когда уже случится хоть что-нибудь?..

Осень

Зачем читать романы, когда жизнь вдруг стала похожа на водевиль? Или трагифарс. В зависимости от финала. Но финал я пока не знаю, а чувствовать себя героиней кем-то придуманного абсурда ещё не привыкла. Чего же ты хочешь от меня? Доверия? Но это самое дорогое, что у меня есть. У меня осталось его ещё совсем немного, хватит только на одного человека. Я давала его раньше и другим, но они его теряли. Подарить тебе последнее? Если и ты его потеряешь, у меня не останется ничего. Но если я не отдам тебе его сейчас, оно может испортиться, покрыться плесенью тоски, зарости паутиной страха. В конце концов, я сама могу его потерять... Нет уж. Лучше ты бери... сейчас... пока я ещё способна на это. А если потеряешь... что же, значит, не такая это ценная вещь... для тебя...

Зима

Необходимость мучительного выбора берёт за горло и давит... Можно сделать правильный выбор и неправильный... Правильный выбор не принесёт счастья, а неправильный... тоже не принесёт... Ты не отступишь и не остановишься... Эта трагичная игра лишила меня сна и покоя... Сколько можно продержаться, стоя на острие меча?... Твои слова лёгким пёрышком прикасаются к моему сердцу... Так тепло и спокойно... а через минуту невыносимо тоскливо и тревожно... Кто победит?... Я не могу проиграть и боюсь победить... Что делать, когда победа оборачивается самым страшным в жизни поражением, а поражение влечёт за собой отравленную радость падения в бездну?... Падение долгое... за это время можно успеть насладиться чувством полёта... но спастись уже невозможно...

Весна

Всегда ли можно выбрать меньшее из двух зол? И зол в жизни обычно бывает больше, чем два. А вот добро почему-то всегда одно... И в наличии его в конце концов начинаешь сомневаться. А ещё говорят, что от добра добра не ищут... Прописные истины... Терпкие, как недозревшая груша, скучные, как затянувшееся родительское собрание в школе, мутные и кислые, как прошлогодний берёзовый сок... Сколько сил заключено в одном конкретном человеке?.. До каких пор можно испытывать чьё-то терпение?.. Сколько километров нервов нужно сжечь, чтобы понять, что тебе нужно от жизни и как следует поступить?.. И километры нервов сгорели напрасно, потому что выбираешь в сущности между одной ошибкой и другой... из двух зол меньшее... Тишина в телефонной трубке – это самый громкий крик... Она оглушает сильнее, чем орудийный залп... И в этом безмолвии, если очень постараться, можно на пределе нервного напряжения услышать мысли друг друга... Поймёшь ли ты моё молчание?..

Лето

Боль – это жизнь... А если жизнь – это боль?.. Постоянная, разнообразная, колющая, режущая, давящая, ноющая и настолько острая, что хочется порой разбить себя, как вазу, только чтобы боль стихла... Но она стихнет, только если произойдёт чудо, а чудеса нынче не в моде, или просто в жизни ничего и никогда не происходит просто так... Сидеть и жалеть себя... томиться желанием.. и невозможностями... жить иллюзиями... питаться редкими счастливыми снами в череде кошмаров... Как это пошло...

Осень

А ночью мне снова будет сниться кем-то когда-то обетованный рай: прозрачный город под серым небом, тонкий силуэт которого отражается в водах свинцовой реки в безветренную погоду. Но погода там очень редко бывает спокойной. Вечное движение не нарушает сердечного покоя, а вечные туманы не нагоняют на меня тоску. Это прекрасное «там», где все мечты сбываются, потому что ничего больше не нужно: просто бродить по ажурным мостикам каналов и смотреть, как на деревьях появляется листва, или облетает... А ещё можно «насмерть» замёрзнуть на ледяном ветру, а потом с наслаждением пить горячий шоколад в маленьком кафе, которых «там» великое множество... А ещё «там» будешь ты. Не потому, что это так уж для меня важно, а так, для полного погружения в сказку. Потому что тебя «там» быть не может. И потому, что ты «там», – это не ты, а давний образ, когда-то увиденный или прочитанный в средневековом романе и тоже обетованный мне кем-то и когда-то...

Полнолуние

Мошки и ночные мотыльки кружатся возле фонаря и мерцают его отражённым светом. Как будто снег идёт. Но снег будет ещё не скоро. Сегодня был самый длинный день. Началась самая короткая ночь, освещённая светом полной луны.

Каждое лето около двух месяцев я провожу в своём родном алтайском селе. Конечно, прекрасно было бы провести два этих месяца в Париже или Риме, но так складываются обстоятельства, мои родители, слава Богу, живы, а значит нужно радоваться каждому дню, проведённому вместе. Село это родное не потому, что я в нём родилась, а потому, что большинство родственников и по папиной, и по маминой линии жили или живут здесь, и я провела здесь хороший кусок своего детства и юности.

Село это живое и крепкое, со светом, интернетом и претензиями. Оно как будто кричит всем своим внешним обликом, что собирается стоять здесь, между двух рек, ещё долго-долго, настолько долго, что успеют состариться правнуки тех, кто сейчас только делает первые шаги. В последние годы здесь даже появились несколько машин-такси. И вечером рокеры на мопедах важно гоняют по асфальтированным дорогам со страшным грохотом со скоростью примерно тридцать км в час. Конечно, как тут разгонишься, когда прямо по главной улице возвращаются домой местные «бурёнки». Они у нас не менее «священные» животные, чем в какой-нибудь Индии.

Одиннадцать тысяч жителей, большая часть которых знает друг друга в лицо и здоровается при встрече. Отцы, дети, внуки и правнуки, знакомые детей, приехавшие недавно и давно, спившиеся или построившие дома. Как будто полянка или пень, заросший опятами. Стоят дома и домики, как грибы, а где-то незримо ветвятся тонкие, но неизмеримо важные нити грибницы. Родственные, дружеские, семейные связи. Даже нелюбимые соседи приятнее, чем чужое и чуждое равнодушное лицо в окне соседнего особняка.

Больница, где кого-то лечат, а кого-то не хотят лечить. Говорят, возраст вышел, или мест на дневном стационаре нет, или доктор в отпуске, а когда будет – неизвестно. Или ещё какую-нибудь чушь, только бы отвязаться от назойливого «больного».

Школа, где я училась с пятого по одиннадцатый класс. Где меня не однажды били и унижали. Было это в так называемые «лихие» 90-е. Школа очень средняя, но лучшая среди окрестных и единственная в нашем селе. Школа, где прошла такая огромная часть жизни за эти шесть лет, что описать это всё не хватит слов. Здесь впервые мне признались в любви, здесь впервые я осознала себя, здесь были и победы на олимпиадах и завистливые взгляды одноклассников. И библиотека, куда можно было спрятаться и забыть хотя бы на час обо всех детских и не очень невзгодах.

Многое забылось, хотя склерозом пока не страдаю. Но важно даже не то, что было или не было здесь со мной, а то ощущение волшебной сказки, которое дарит мне каждый приезд сюда из мутного, пыльного и

суетливого города. Многое изменилось с тех пор, как я училась здесь, многое меняется с каждым годом, но горы вокруг неизменны и величественны, туманы и грозы всегда загадочны и непредсказуемы, а тёмный лес всё также манит меня побродить по своим тропинкам. Многое уйдёт со временем, испортится, покроется плесенью и ржавчиной, и даже человеческие чувства могут меняться. Но одно я знаю наверняка.

Сколько бы лет ни прошло, будет такая же полная луна, как сейчас, она будет освещать одинокую фигурку на крыше дома, или кто-то будет сидеть у озера под её молочным светом, или, как сейчас, она будет светить в окно веранды, но это будет. И будет кто-то, для кого такая ночь будет иметь значение, будет кто-то, кто так же, как и я, не сможет уснуть в ночь летнего солнцестояния при полной луне. Пожалуйста, пусть он будет, этот человек. Если его нет сейчас, то пусть он хотя бы будет потом, даже если я уже исчезну из этого мира. Потому что если когда-то где-то в глубине времён были такие люди, как я, и когда-нибудь ещё будут, значит, одиночества не существует.

Школьная любовь

Вечер. Компьютер. Очередная социальная сеть. Я снова тебя ищу, и даже не могу объяснить, зачем мне это нужно. И снова поиск выдаёт сорок с лишним человек с твоим именем и твоей фамилией. И снова просматриваю пункт за пунктом и убеждаюсь, что и здесь тебя тоже нет.

Может, будет к лучшему, если ты останешься только воспоминанием о днях, когда всё было проще и чудеснее и впереди была целая жизнь.

Мы учились вместе совсем недолго, кажется, год. И большую часть этого времени я не обращала на тебя внимания, потому что была занята учёбой и своей безответной любовью. Первый раз я посмотрела тебе в глаза, когда ты принёс мне книгу Толкина «Властелин колец». Я очень хотела её перечитать. Сейчас даже не могу вспомнить, как ты об этом узнал, как зашёл разговор. Помню только, что ты не произвёл на меня впечатления. Ни плохого, ни хорошего. Конечно, внешне ты не был рыцарем в сияющих доспехах. Что было у тебя в душе, я и сейчас могу только догадываться. Книгу я прочитала и вернула, это было зимой. И снова о тебе не вспоминала и не думала, хотя ты сидел в классе за моей спиной каждый день.

А потом была весна, и мы встретились совершенно случайно. Хотя было ли это случайностью с твоей стороны? Долгие годы я была в этом уверена, а сейчас вдруг задумалась. Тем более что в делах, касающихся моей безответной любви, я сама сотни раз пыталась подстроить всевозможные «случайности».

Итак, мы встретились весной. Я была на велосипеде и с собакой. Такой несколько эксцентричный способ гулять мне подсказал один знакомый. Мы поздоровались. До сих пор не понимаю, почему я остановилась, почему мы заговорили, почему сначала ты шёл мне навстречу, а потом нам – вдруг – оказалось по пути.

Ты был очень интересным собеседником. Наверное, самым интересным за всю мою жизнь. Тебя интересовали математика и компьютеры, меня мистика и христианские мученики. Наши интересы пересекались только на литературе.

А ещё ты говорил, что жизнь тебя не интересует и ты хочешь покончить с этим. В смысле умереть, убить себя. Я уже потом, спустя годы, узнала, что многих юношей посещают такие мысли, а другие многие говорят об этом, чтобы произвести впечатление. Но ты по-прежнему не производил на меня впечатления, и я тебе верила. Как ни странно, верю до сих пор.

А я, конечно, со всем отпущенным мне энтузиазмом пыталась убедить тебя, заставить понять, что мир огромный и прекрасный, что в жизни будет ещё много всякого, и не стоит расстраиваться по пустякам. Ты так и не сказал мне о причинах такой чёрной меланхолии.

Это странно, но мне было с тобой очень легко. Как будто ты видел меня такой, какая я есть на самом деле. А это бывает очень редко. Обычно люди при общении навязывают собственные представления и, вольно или невольно, в душе рождается стремление этим ожиданиям соответствовать. Такое положение тяготит, но изменить его получается редко. Так было с большинством моих друзей и знакомых. Так никогда не было с тобой.

Мы ещё несколько раз гуляли подобным образом, и несколько раз ты провожал меня домой из школы. Каждый раз это происходило будто само собой. Мы никогда ни о чём не договаривались, но будто видели друг друга сквозь стены.

То, что произошло после, я до сих пор не могу никак себе объяснить. Может быть, ты решил, что я играю с тобой. Или кто-нибудь сказал тебе гадость. Или подумал, что слишком привязался, и решил разорвать эту связь, чтобы потом не страдать. Мои предположения достойны лишь глупых романов, я думаю, что всё было по-другому на самом деле.

К какому-то школьному весеннему празднику, кажется, к очередному юбилею А.С.Пушкина, старшеклассники ставили сценки из романа «Евгений Онегин». Я играла Татьяну. Сам по себе удивительный факт. Я не была школьной звездой, почти не участвовала в самодеятельности, на вечерах и дискотеках держалась в тени, но всегда страстно любила театр. И очень хотела эту роль. Меня назначили на неё. Вне себя от счастья, я за один вечер выучила наизусть письмо Татьяны к Онегину. Онегина играл мой сосед по парте с внешностью рыцаря без страха и упрёка. К счастью, я не была в него влюблена. Поэтому смогла хорошо сыграть. Это отметили даже учителя, и не просто ради похвалы. В моём душевном состоянии невозможно было сыграть плохо.

А ты играл автора, А.С.Пушкина. Пожалуй, ты даже был на него немного похож. Не хватало бакенбард и кудрей. И вот после представления, ещё в эйфории праздника, я встретила тебя в коридоре и о чём-то спросила. Ты ответил сухо, односложно, почти мрачно. Когда я пыталась продолжить разговор, ты перебил меня, поблагодарил за игру и ушёл.

Сказать, что я была возмущена, – это не сказать ничего. Я была ошеломлена, обескуражена и, более того, обижена. В смятенных чувствах вышла из школы и увидела довольно далеко впереди твою сутулую фигуру. Что на меня тогда нашло – не знаю. Всегда робкая, краснеющая от наглого взгляда, никогда не находившая нужных слов для общения с противоположным полом, я тебя догнала. Это было трудно, потому что шел ты быстро – наверное, хотел убежать. Я сказала: «Оказывается, ты можешь быть грубым» – и пошла вперёд ещё быстрее. Теперь тебе пришлось меня догонять. И я совершенно не помню, что ты мне сказал потом и как так получилось, но ты вновь провожал меня домой, и всё было, как прежде.

А возле своего дома я имела глупость попытаться пригласить тебя на чай. Очень хорошо помню ужас, мелькнувший в твоих глазах, и сдавленный тон, когда ты почти невежливо отказался. Я была совершенно неопытной и стеснительной, и, наверное, всё испортила. Не помню, сколько раз мы встречались потом и о чём говорили.

Я совершенно не помню тебя на выпускном вечере, кажется, ты ушёл сразу после вручения аттестата. Больше я тебя никогда не видела и долгие годы не вспоминала.

Почему мы потеряли связь? Очень просто. Тогда не было мобильных телефонов и интернета. Мы все уезжали, чтобы начать взрослую жизнь. Сжигали мосты и не оглядывались.

Если бы тогда у меня была обретенная только с годами уверенность в себе, умение себя вести, если бы я не боялась говорить то, что думаю. Если бы сейчас я вернулась туда с моим теперешним осознанием жизни. Если бы... Это была бы полная чушь. Всё хорошо в своё время, и мы оба сделали свой выбор. Я никогда не была в тебя влюблена, и ты не мог этого не видеть, ты же умный. Но это чувство дружбы, совершенно лишённое малейшего намека на пошлость и фальшь, остаётся самым чистым и светлым воспоминанием моей юности.

Зачем я пытаюсь тебя найти? Зачем с достойным лучшим применением упорством терзаю социальные сети? Если ты давно женат и счастлив, захочешь ли и сможешь ли ты вспомнить те дни с такой же тихой радостью, с какой вспоминаю их я? А если ты одинок, не будет ли жестоко тревожить твой покой напоминанием, возможно, о боли, которой я тогда абсолютно не могла заметить и понять? А может, я просто боюсь, что тебя уже нет в живых, что глупые суицидальные бредни подростка воплотились в жизнь самым чудовищным образом и ты существуешь только в моей памяти?

Я даже не знаю, что скажу тебе, если всё-таки найду. Но я не боюсь. Я серьёзная взрослая женщина теперь, и почти разучилась краснеть, и могу одним взглядом срезать любого хама. Я и тогда не знала и не планировала, что скажу тебе. И не боялась. И как-то мы умудрялись находить слова даже в тумане подростковой нервозности и растерянности. И словно видели друг друга сквозь стены.

Монолог Музы

Так... И что тут у нас... Очередной потенциальный случай графоманства... И зачем только им помогать... Ведь ежу понятно... или непонятно?... Надо поискать ежа и спросить, понятно ему или нет... Но мне-то с моим опытом понятно, что ни Пушкина, ни Чехова из этого убожества не выйдет... Не были они такими в её годы... Вот не были и всё тут... А может были?... Ладно, приглядеться к этому «юному дарованию» придётся... Приказ сверху есть приказ...

Дарование женского пола да ещё с филологическим образованием. Случай клинически очень тяжелый. И куда они там наверху смотрели, когда меня сюда отправляли?... Ничего не понимаю. Ну, во-первых, эта дама ни за что не станет меня слушать, у неё же высшее образование и всё такое... Во-вторых, к бумажной работе эти люди привыкли настолько, что могут пачкать бумагу всю ночь, не переставая, независимо от результата. И надеяться, что желание писательствовать пройдет с первым отрицательным отзывом из редакции, увы, бесполезно. Ну, а в третьих, женщина-писатель – это ещё хуже, чем женщина-ученый... Ну куда же ты? Стой!.. Я же пошутила.. Нет... Ну вот... Как я и говорила... сожгла оладушки, сидя за своим компьютером.. Вот чем теперь будут ужинать твои бедные голодные муж и сын? Ты подумала? Да я не голос разума, чтобы от меня отмахиваться, я, между прочим, в некотором роде твоя муза... Может, передумаешь штурмовать литературный олимп? Ну правда, всем же легче будет... Да знаю, знаю, что не передумаешь, вон как глазки загорелись... Пишет там себе что-то, пишет.

«Душным июльским вечером я стояла на самой верхней площадке своего фамильного замка и мечтала о тех днях, когда рядом со мной будет тот, кого так долго ждала душа, о ком так страстно мечтало сердце и кто навеки прогонит мою тоску и боль...»

Мда... Заставь женщину писать, и первое слово, которое она нацарапает, будет о возлюбленном, причём такие мелочи, как возраст начинающей писательницы, а также наличие и качество этого самого возлюбленного, не имеют абсолютно никакого значения...

А теперь, моя радость, стирай всё это немедленно и начинай сначала... С чего это ты взяла, что быть тебе знатной дамой, а не горничной в этом замке? Много ты читала романов о горничных? Ни одного? А о знатных дамах? В том-то и дело, что в лучшем случае знатные дамы переодеваются горничными, чтобы повеселить окружающих... так что не занимайся плагиатом, а придумай свою героиню. Далее... Почему ты решила, что можешь написать одно предложение на полстраницы, как Лев Толстой, и это захочется прочитать ещё кому-то, кроме тебя? Конечно, не спорю, он классик и, в некотором роде, мой бывший подопечный, но... было это всё в прошлом веке, а в нынешнем и его «Войну и мир» читают лишь избранные ценители и несчастные девятиклассники.

Фуу... Стёрла наконец-то... Дошло, что нужно забыть свои мечты пятнадцатилетней давности и подумать о том, что она хочет сказать миру, чтобы это осталось в веках... Что это из меня такой пафос лезет сегодня? А-а... конечно... это всё тот поэт... Вынь ему и положи стихи ко дню города, а у меня ведь тоже нервы!.. Так... Моё дарование снова что-то стучит на клавиатуре.

«Ветер пел свою странную песню в одну из душных июльских ночей, ветви деревьев трещали под его порывами. Гроза разбушевалась. Одинокaя фигурка девушки стояла перед воротами старинного замка. Бедняжка так промокла и замёрзла, что несколько минут не могла произнести ни слова, когда на стук вышел привратник...»

Фрр... Девочка, ты сказки читала, когда была маленькой? Например, «Принцессу на горошине»? Ну, до чего народ пошел неоригинальный... Вспомнить Джойса, так его безумные идеи могли затопить весь мир, если бы я не отговорила его от некоторых... Да... Постмодернизм вырождается...

Ну что ты ещё там пишешь? Вот пишут, пишут что-то всё, лишь бы написать... Хотя... вот это последнее оставим... Будет начало нового гениального романа... А я сказала гениального, и хватит думать, что ничего не умеешь и никто тебя не любит... Полнобят... не сумеют – научим, не захотят – заставим... Что уж я, зверь какой-то, не сделаю из человека писателя, если он так этого хочет?..

Ода русскому мату

Велик, могуч и прекрасен русский язык. Но ещё более могуч и выразителен русский мат. Почему ещё более? Но иначе просто и быть не может. Ведь по самым грубым подсчётам, около сорока процентов населения нашей грандиозной родины на нём разговаривают, а около 95 процентов (и здесь я боюсь ошибиться), нет-нет, да и приправят свою речь острым словом, как хорошая домохозяйка не брезгует добавить в жаркое острого перца. И если большинство населения всё-таки использует нецензурную лексику, то да ну её, эту цензуру, большинство не может ошибаться. Значит, что-то есть таинственное, даже, осмелюсь сказать, мистическое, в словах, которыми уже не одну сотню лет пользуется 9,5 человек из десяти.

Что же с оставшимися пятью процентами? И почему именно пять? Тут автор этого опуса должен сделать признание, что никакого исследования он не проводил, и эту грубую статистику взял, попросту говоря, с потолка. Конечно, не совсем с потолка, а скорее из жизненного опыта, из наблюдений, которые были сделаны совсем не по воле автора, а даже, можно сказать, вопреки его желанию и здравому смыслу.

Так почему же всё-таки пять процентов? И здесь автор должен сделать ещё одно, ещё более скандальное признание. Всё дело в том, что автор ни разу в своей жизни не использовал эти острые словечки по прямому

назначению. Да-да. Вообще никогда. Ни в пылу ссоры, ни с перепугу, ни в великой радости, ни от отчаяния и даже когда в автобусе наступали на любимую мозоль, не было произнесено ни одного, даже самого простого и короткого, вечного слова из трех букв. Даже не знаю, какое можно найти оправдание этому отщепенчеству, этому категорически постоянному нежеланию подчиняться законам вселенной и родного менталитета. Остается принять сей нелепый факт за некую индивидуальную особенность, мутацию, что ли, которая позволила автору данной оды дожить до своих лет, довольствуясь холодной и пресной литературной нормой. И вот, чтобы не чувствовать себя совершенно отрезанным от всего остального мира, подобно Робинзону Крузо на необитаемом острове, автор и придумал себе в утешение эти пресловутые пять процентов. Как говорится, надежда жива, пока... пока уши в трубочку не свернулись.

Худо-бедно разобравшись с процентами, хочется всё-таки пояснить, каким образом идея написания оды закралась в бедовую авторскую голову и прочно там окопалась. Поводом к этому послужил всего лишь случайно услышанный разговор двух довольно приличных молодых людей в одно довольно приличное утро. На этом всё приличное закончилось.

Неприличной была тема этого разговора, она касалась очень личных подробностей очень личной жизни, поэтому автор не станет ни называть эту тему, ни приводить сам разговор, происходивший на повышенных тонах, так что счастье услышать его могли иметь все случайные прохожие в радиусе двадцати метров. Но вот форма этого разговора заслуживает особого внимания. От литературной нормы в нём остались только предлоги и междометия. Причём особое восхищение вызывает тот факт, что участвующие в разговоре приличные во всех отношениях молодые люди не были пьяны (как кто-нибудь мог бы себе вообразить), они не были в отчаянии, в пылу ссоры, в великой радости или напуганы. Им никто не наступал в этот момент на мозоль. Они просто разговаривали. И самое потрясающее то, что их речь не была лишена выразительности. Нужно обладать огромным мастерством, чтобы из такого ограниченного числа корней, составлять такие многоэтажные конструкции, при этом почти не повторяясь. Уметь так точно выразить свою мысль, так подробно и доступно описать ситуацию, не используя ни одного литературного слова, сможет далеко не каждый. Нужно обладать – ни больше, ни меньше – особым типом мышления, необычной организацией мозговых структур, находиться в состоянии катарсиса. Иначе никак не объяснить эту уникальную способность людей в любой ситуации находить общий язык, что так наглядно продемонстрировали двое случайных прохожих. Если бы они сами подозревали в себе такие грандиозные силы, вполне возможно, стали бы новыми гуру и собрали бесчисленное количество адептов этого универсального языка. Зачем нужно было создавать эсперанто, когда проблема языкового барьера может быть решена так просто и изящно? Уж запомнить эти несколько

смысловых корней и добавлять к ним формообразующие аффиксы смогли бы и бедуины, и эскимосы, не говоря уже о менее экзотических народах.

Но оставим эти прожекты и посмотрим, как велик и могуч русский мат, как много функций он выполняет в жизни наших соотечественников. Самая яркая из них – это выражение эмоций, абсолютно любых, от огорчения и ярости по поводу несовершенства мира до нежности и любви к своему ребенку. И Пушкин бы умер снова, если бы был ещё жив, на этот раз от зависти, познакомившись с этими законченными в своём совершенстве выразительными образами, рядом с которыми «мороз и солнце, день чудесный» кажется поблекшей прошлогодней театральной афишей. Хотя, если верить слухам, великий классик, наше всё, был тоже не прочь вернуть в эпиграмму что-нибудь эдакое, отчего цензура, конечно, была далеко не в восторге. Другая задача, не менее важная – это служить для связи слов в предложении тем людям, которые плохо умеют составлять слова друг с другом. Этих людей довольно много в нашем обществе, о предложениях, союзах и частицах они имеют очень смутное представление, и сложно представить, как бы они общались, не будь нецензурной лексики. Согласитесь, задача очень важная. Но есть и ещё одна, незаметная на первый взгляд функция, практически определяющая мировоззренческий аспект существования современной молодежи. Это мат – вызов литературной норме, мат-протест против правил и шаблонов, против тупых и скучных уроков литературы, против истории, напичканной идеологией, меняющейся из века в век, но, тем не менее, постоянной, против политики, в которой без мата и пол-литра нормальный человек вообще никогда не разберётся. А ещё есть мат – привычка, удобная, как разношенные домашние тапочки, самая первая реакция на радость и боль, на смешной анекдот или известие о смерти родственника. И этот язык, нравится кому-то или нет – единственное, что объединяет нас сейчас в единый народ. Ни флаг, ни герб и ни гимн, а именно русский мат делает нас русским народом, перед ним едины и равны чиновники и ученые, врачи и учителя, художники и юристы, воспитанники детских садов и насельники домов престарелых.

Страшно представить, что будет, если победят литературная норма и цензура. Сразу же прервётся связь поколений, люди просто перестанут друг друга понимать, количество самоубийств на нервной почве возрастёт в десятки раз из-за невозможности выплеснуть накопившиеся эмоции. Как дети научатся писать, если перестанут старательно выводить на заборах сакраментальные три буквы? Наступит анархия, хаос, апокалипсис.

Но этого не стоит бояться, потому что литературная норма не победит никогда. Это так же невозможно, как Царство Небесное на земле. Поэтому не нужно так уж переживать. Эти с детства знакомые три буквы будут сопровождать нас до самой смерти. И если бы автор этой оды мог, он добросовестно бы использовал все вышеперечисленные возможности употреблять в речи все сокровища языка, даже самые сомнительные. Но проблема в том, что он не может. Такой вот моральный урод...

Оглавление

Драконовские меры.....	4
Чёрная Роза	8
Вампир	23
Неспящая	27
Письмо незнакомке	34
Ещё одна жертва... ..	38
Путешествие, или Станный сон	43
История одной любви.....	45
Полнолуние	48
Школьная любовь	49
Монолог Музы.....	52
Ода русскому мату.....	53